

Альберт Сперанский

**ПОЧЕМУ НАРОД
БЕЗМОЛВСТВУЕТ**

Альберт Сперанский

ПОЧЕМУ НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ

Москва • 2007

В ПОИСКАХ СВОБОДЫ

В современной России слово рабочий стало ругательным, элита как бы мстит ему за прошлый коммунистический режим, когда его называли гегемоном, правящим классом, хотя на самом деле идеологи и партийная номенклатура, прикрываясь высокими словами, от имени станочников и пахарей строили лагеря для заключенных, расстреливали недовольных. Таким образом, люди, которых сейчас называют «быдлом», оказались подставными лицами в истории, цинично обманутыми не только коммунистами, но и при очередном переделе власти демократами. Для последней «революции» на стыке девяностых, рабочий класс сделал самое главное — пока образованное общество рассуждало о перестройке, «черная кость» сделала ее, остановили предприятия, вышли на площади. Ну а дальше, как и полагается, мавр сделал свое дело, мавр может удалиться. Власть перетекла от коммунистов к олигархам, а самих наемных работников как неперспективный материал отправили в очередной раз в отбросы общества.

В советские времена были мечтатели, кружки из совестливых людей, которых называли диссидентами, они пытались показать людям пороки коммунистического общества. КГБ легко расправлялся с ними — брали их по одиночке, кого изолировали, кого высылали за «бугор». Основная масса населения даже не замечала пропажи. На чужбине эмигранты делали все, что было в их силах, рассказывали мировой общественности правду о советском тоталитарном режиме, но чаще им приходилось исповедаться друг пе-

ред другом, потому что освободить народ, если он не поднимется сам, операцией извне нельзя.

К сожалению, я тоже был наивным человеком, верил, что очень просто можно создать царство социальной справедливости, подбивал на решительные действия других. Это часть моей биографии, и от нее нельзя отказаться.

В 1978 году на завод, где я тогда работал, на мое имя, пришла бандероль, но получать ее меня пригласили не на почту, а в партбюро. Упаковка была разорвана, в грубой бумаге с поломанными сургучными печатями было несколько книг, по всем признакам их уже успели проверить. Секретарь партбюро посоветовал мне избавиться от этого подарка, иначе могут возникнуть трудности как у пишущего человека в контактах с редакциями.

Почему именно мне подкинули подрывную литературу? В эмигрантских кругах, очевидно, вычислили меня как автора довольно критических статей в центральной прессе, посчитали своим человеком, почти готовым диссидентом. По авторским подписям легко было определить мое местонахождение — Тушинский завод ДСК-1. Самым лучшим выходом из создавшегося положения было уничтожить бандероль, не показывая ее мне. Зачем было разыгрывать спектакль, передавать в руки посылку и тут же отговаривать меня от ее получения? Скорее всего, ловили на живца, проверяли мою благонадежность. Я немного полистал книги, в них много говорилось о душегубе Сталине, о нашем тоталитарном режиме, о поруганных правах человека, а в основном — размышления и факты из жизни диссидентов, они в борьбе за свои идеалы вплотную столкнулись с КГБ. Хорошо бы иметь эти книги под рукой, в них много справедливого, раскрыты некоторые тайны, которых я еще не знал, слышен крик души, тоска людей, оказавшихся вдали от Родины, а дальше что? Даже если бы я пустил эту литературу по бригадам, народ не отреагировал бы, не сплотился для акции протеста. Люди в трудовых коллективах жмутся друг к другу, в одиночку здесь ничего не сделаешь, получается коллективная зависимость и замкнутость. Не обойтись, конечно, в этом кругу без лидеров и просветителей. В большинстве своем в роли просветителей выступали тогда рабочие корреспонденты, они, рискуя карьерой, своим благополучием, пытались обнародовать вопиющие факты нарушений норм жизни на конкретном предприятии, в отдельно взятом посел-

ке, защищали людей, выступали против несправедливости. Я тоже был одним из таких камикадзе — не только критиковал, но и размышлял, как нужно было перестроить одно, другое, чтобы жилось лучше и свободней. На заводе был поставлен на особый учет, за каждым моим шагом следили и докладывали в дирекцию, надеялись поймать в нарушениях трудовой дисциплины, не дождавшись, наказывали авансом, даже до увольнения дело доходило.

Несколько раз я пытался вступить в партию — не принимали. Одно время почти стал своим — дали рекомендации, приняли на собрании, осталось только утвердить на заседании райкома, и надо же такому случиться, в это же время вышла в газете моя статья о порядках на заводе, называлась она «О добром слове и обиженном человеке». С завода в газету отправили официальный ответ: «Факты, упомянутые в статье, подтвердились, приняты меры по их исправлению». Меры действительно были приняты: все, кто давал мне рекомендации в партию, отзывали их, посчитали, что ошиблись с моим моральным обликом. Пришлось мне еще долго писать статьи об обиженном человеке в ранге беспартийного.

Многое изменилось с тех пор в нашей жизни, к сожалению, не в лучшую сторону. Представьте себе, что рабочий человек осмелится сейчас напечатать статью с подобным содержанием, его сразу, без всяких ответов и приветов, выгонят с предприятия, партию для себя ему придется искать за проходной.

Пусть простят меня бывшие диссиденты за малодушие, я отказался тогда от бандероли. У меня был свой божий промысел, своя ниша, и я не хотел, чтобы в этом деле мне чинили препятствия, чувствовал, что полезен, потому что снабжал своих читателей особой информацией, заставлял думать, находясь не за «бугром», а рядом.

Сейчас стараются доказать, что народ у нас безразличный, ленивый душой, не умеет отстаивать свои интересы, даже биологическую теорию под это подводят, не хватает, мол, нашим организмам йода в питании. Хочу показать противоположное, для этого опять воспользуюсь эпизодами из личной жизни.

Когда Горбачев дал возможность народу говорить, назвав это гласностью, процесс стал напоминать вскрытие льда на реке. В 1988 году, уже работая профессиональным журналистом, я опубликовал в «Литературной газете» статью: «Кто говорит от имени

рабочих». На нее были мешки откликов. Народ умел тогда слушать и воспринимать правду, не ту, которая живет на олимпийской вершине, где действующими лицами являются небожители: генералы, ученые, писатели, артисты, а сермяжную, вытекающую из жизни обыкновенного человека. Не греет рабочих сейчас заученная, без места событий, похожая на молитву правда о правах человека, которой до сих пор пользуются многие демократы и правозащитники. Низы не видят здесь движения, борьбы за решение своих конкретных проблем, поэтому на такие призывы не откликаются. С моей же статьей тогда произошли удивительные вещи, в городе Ейске Краснодарского края на центральной площади электрик Владимир Осипов два часа читал ее через мегафон, появлялись новые прохожие и просили повторить сначала.

В Томской области статья «Кто говорит от имени рабочих» помогла сварщику Николаю Белоусову из города Стрежевого во время выборов в Верховный совет СССР обойти первого секретаря обкома КПСС, стать депутатом. Избирательный штаб Николая распространял статью в виде агитационного материала, и это действовало.

В том же году в газете «Известия» появилась другая моя статья «Почему я не знаю в лицо своего депутата». Эта публикация была бы к месту и нынче. Наша политическая система поиграла немного в демократию и вернулась к точке, зафиксированной в моей статье, — с нынешними депутатами у населения связь опять потеряна. Теперь у нас как бы и не тоталитарный режим, политики придумывают для него название помягче, но наследственность у нынешних правителей оказалась дурная, для них демократические свободы — всего лишь вседозволенность, возможность наслаждаться властью, творить беспредел, унижать и подавлять просто человека, не чувствуя при этом перед ним ответственности. В «Известиях» я тогда размышлял о демократической избирательной системе, вносил свои предложения. Кстати, в первые годы перестройки многое в нашей избирательной системе совпадало с моими воззрениями. И не только моими. Утром газета вышла, а к обеду на мой рабочий адрес пришло с разных концов страны до десятка телеграмм. Меня поддерживали. Сравнивая все с нынешним упадническим настроением людей, я не могу даже представить себе, чтобы кто-то, прочитав сейчас злободневную статью, посчи-

тал ее призывом к действию, побежал на почту, заплатил деньги и отправил автору телеграмму поддержки. Такой был тогда душевный порыв у «ленивого душой» народа. За десять с небольшим лет этот энтузиазм потушили, как свечку на ночь. Кто же это сделал? Хочу показать в своей публикации, кто и как менял настроение людей, моих знакомых, моих друзей.

В конце восьмидесятых в низах рождался бунтарский дух, тут уж сработало преимущество рабочих коллективов, настроение, как электрический заряд, передавалось от одного к другому, ментально можно было собрать людей и сразу принять решение. За активистами, которые могли излагать нужные мысли, шли, их защищали от произвола власть имущих. Например, в районной газете «За коммунистический труд» города Кимры тогда еще Калининской области рабкор Александр Царев опубликовал злую статью «Перестройка, но...». Без прикрас рассказал о порядках на фабрике и в городе. Газета вышла в воскресенье, а утром в цех, где работал Царев, буквально влетели директор фабрики, начальники цехов, парторг, председатель профкома, еще какие-то деятели и — прямо к рабкору. Потасили его в кабинет и там сразу предложили написать заявление об увольнении по собственному желанию, но Царев отказался. Рабочие уже читали статью, каждый готов был подписаться под ней, а тут на глазах у всех устроена была разборка с автором. Мигом остановили станки, ринулись за начальниками, которые, услышав нарастающий шум за дверью, закрыли дверь кабинета на ключ. Толпа не стала церемониться, дверь вылетела вместе с коробкой, рабочие ворвались в кабинет, взяли под свою защиту рабкора.

После этого штурма директор сбежал из города, в этот же день ушла в отпуск начальник цеха, исчез куда-то старший мастер. Больше месяца коллектив работал без администрации, формируя, пусть и самые примитивные, но справедливые методы самоуправления.

Страна взрывалась именно снизу. 10 июля 1989 года в Междуреченске 77 горняков шахты им. Шевякова после окончания ночной смены отказались переодеваться. Слово за слово, возникло собрание, к ночной смене присоединилась утренняя. Горняки избрали стачечный комитет, в робе, чумазые пошли на городскую площадь продолжать митинг. Информация о забастовке стала быстро распространяться, заискрило и в других местах. 11 июля останови-

лось еще пять междуреченских шахт, к ним присоединились многие промышленные предприятия города. 12 июля встали четыре шахты в соседних Осинниках, их поддержали водители автобазы, швейная фабрика, кирпичный и ремонтно-механический заводы. На другой день остановились девять шахт в Новокузнецке, все шахты Прокопьевска, бастовали в Киселевске, в Мысках, Ленинск-Кузнецке, Анджеро-Судженске, Кемерове, Белове. 17 июля — пик забастовок, в Кузбассе не работало 167 предприятий. Руководители обкомов, горкомов, министерств металась по городам, участвовали в различных комиссиях, вели переговоры с членами стачкомов, подписывались под требованиями рабочих. Когда после успешных переговоров в Кузбассе шахтеры стали приступать к работе, полыхнуло в Воркуте, Инте, Донецке. Такого дружного выступления рабочих, пожалуй, не было с 1905 года. Стали возникать локальные забастовки в поддержку требований шахтеров в самых разных местах, например на деревообрабатывающем комбинате в городе Шарья Костромской области.

Это не было народным бунтом с погромами, не жгли машины, торговые палатки, в городах, где проходили акции протеста, рабочие комитеты запретили даже продавать спиртное.

Власть всячески пыталась приуменьшить значение забастовок. Способствовали этому официозные журналисты, они писали, что шахтеры в Междуреченске взбунтовались из-за отсутствия в душевых мыла. Много чего тогда не хватало, но смешно даже предполагать, что из-за нескольких кусков мыла поднялись все угольные регионы.

Наверху много говорили о реформах и ничего не делали. Люди устали ждать и только слегка подтолкнули забуксовавший паровоз. Рабочие не хотели низвергать власть, они пытались ее только подправить, сделать более человеческой, чтобы она разговаривала с ними как с равными, чтобы прислушивались к их мнению. Они мечтали построить государство социальной гармонии, понимая, что этим должна заниматься не революционная «кухарка» — одно государство она уже построила, и счастья это не принесло, — а люди более компетентные. В кузбасском городе Белове председатель городского комитета спросил: «Берем власть в городе?» — «Нет. Мы работать. На шахту», — ответили члены комитета.

ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ

К сожалению, история и на этот раз посмеялась над членами рабочего комитета из города Белова и над другими рабочими. Давно стало истиной, что революции съедают своих детей, так и наша перестройка низвела шахтеров, рабочих, которые были в первых рядах, до гражданского ничтожества, они оказались штрафными батальонами, которые пустили на минные поля, расчистили дорогу для других. Раньше шли в шахтеры, чтобы подзаработать, купить кооперативную квартиру, машину, — было за что рисковать, теперь рискуют за кусок хлеба, часто даже без масла. В забоях гибнут — техника безопасности на самом низком уровне, так как нынешние хозяева жалеют денег, нарушаются инструкции, вместо двух ремонтников, положенных для подстраховки друг друга, посылают одного. Откажись от этой работы, куда пойдешь? Одна за одной закрываются шахты, на действующих тоже идет сокращение штатов, потребность в угле падает, он не выдерживает конкуренции с газом. Проработав добрую часть жизни под землей, шахтеры оказались самыми социально незащищенными людьми в стране, как бы совсем без профессии. Даже если и есть какая-то профессия про запас, то и она не поможет — в шахтерских регионах практически нет другой работы. Ехать в другие места — дело рискованное. В шахтерском поселке хотя бы есть крыша над головой — комната, квартира, хотя бы и барачного типа. Жилье стало главной причиной, которая связывает руки большинству нашего населения. Остается продолжать рисковать жизнью, идти за гроши в забой, унижаться, терять свое человеческое достоинство. Администрации предприятий, почувствовав, что работнику некуда деться, стали усиливать репрессии. Заикнись против хозяина — сразу выпишут путевку на все четыре стороны, даже без выходного пособия. Не скрашивает этих унижений и разочарований прохождение строевым шагом по центральной площади Кемерово роты почетного караула, взятой губернатором Тулеевым взаймы у президента России для участия в праздничных мероприятиях по случаю Дня шахтера.

К такой вот социальной пропасти подвели «либеральные» реформы гвардейцев рабочего движения. Они не претендовали на руководящие кресла в государственных конторах, но надеялись, что вчерашние соратники по перестройке о них не забудут. Обеспечат

стабильной работой и хорошей зарплатой, позаботятся о будущем их детей. Забыли. Политики, которые стали раскручивать реформы, думали только о себе, а по своим деловым качествам и умению управлять страной оказались гораздо хуже ленинской «кухарки». Государственники, силовики, олигархи, питерские — как бы они ни относились к построению власти, какие бы партии ни формировали, все они едины в одном — в отношении к низшему классу, убеждены, что его нужно держать впроголодь, на коротком поводке.

В 2004 году в честь 15-летия забастовки шахтеров в Кузбассе инициативная группа нашла небольшие деньги на организацию съезда рабочих России, на нем попытались проанализировать все, чем обернулась перестройка для трудового народа. Собрали и рабочих лидеров, которые в те годы подняли страну на дыбы. Разыскали ремонтника станков Александра Садырина из города Шарья, который в те годы в поддержку шахтеров поднял на забастовку огромный коллектив деревообрабатывающего комбината. Талантливый организатор ныне перебивается временными заработками. Всем миром собирали тысячу рублей на поездку в Москву. Он признался, что ему стыдно перед людьми, стыдно за прошлые свои речи на митингах, выходит, он обманул земляков, увлек в пучину, в бедность.

Валерий Рейнер, классный специалист с высшим образованием, в конце восьмидесятых остановил Барнаульский моторный завод, требовал от лица забастовочного комитета завода социальных, демократических перемен в стране, теперь торгует на оживленных перекрестках города газетами, так он теперь зарабатывает себе на хлеб. Кается перед народом станочник Михаил Шульга с московского завода им. Орджоникидзе за то, что увлек друзей на защиту Белого дома, на защиту новой власти. У него подходила очередь на квартиру, но в результате перемен на старости лет он оказался в нищете, живет в коммуналке. Стал бродягой Александр Царев с кимрской обувной фабрики, тот самый, кто поднял рабочих на бунт против начальства. Он ездит по стране, ищет работу, ночует где придется. Рабочие лидеры расплатились своей судьбой, благополучием своих близких за перестройку, которая свелась к одному — олигархам подарили все богатства российской земли, то есть недра, фабрики и заводы.

Можно до бесконечности перечислять бывших героев из рабочей среды, которые нынче оказались выброшенными на помойки.

Тем временем официальная пресса, политологи, политики раз за разом устраивают поминки по гражданскому обществу. Его ищут и не могут найти. Да и откуда ему взяться, если оно злонамеренно уничтожено. Нейтрализовали сотни, тысячи организаторов на нижних этажах общества — они мешали власти проводить реформы в интересах небольшой кучки лиц. Раньше были бесплатные школы, спортплощадки, бесплатное образование и медицина, был средний класс. У нас было общество равных возможностей, свободы не было, но справедливость была, теперь нет ни того, ни другого.

Сколько теперь не выстраивай возле Кремля колон «наших», «ваших», «местных», это не гражданское общество, а проплаченная массовка, люди без связи друг с другом, студенты, взятые напрокат у ректоров институтов, и ученики, собранные на мероприятие с окрестных школ. Молодежь выталкивают на митинги, пикеты, хотят противопоставить ее пенсионерам, рабочим. В Ижевске на первомайской демонстрации, чтобы подавить протестные настроения, к колонне взрослых пристроили школьников с лозунгами «Единой России». С «медвежатами» провели разъяснительную работу. Старшие сказали, что они борются за бесплатное образование, которое хочет уничтожить партия власти. Тогда школьники задали вопрос на засыпку: «Вы за рэп или против». Обрадовавшись, что среди протестующих есть тоже любители рэпа, школьники стали переходить на их сторону. Вот и вся идеология. Остается только сожалеть, что партия власти играет с юными душами в поддавки.

В том же Ижевске к аэропорту на специальном автобусе подвели группу школьников, с их помощью решили устроить достойную встречу оппозиционеру Каспарову. Ребята хором кричали в сторону приземлившегося самолета: «Каспаров, люди не пешки!» Каспаров остановился рядом с крикунами, постоял и пошел дальше. Школьники, не обратив на него внимание, продолжали скандировать в сторону посадочной полосы, они даже не знали в лицо грозного противника. Вот тебе и «не пешки».

Корреспондент «Московского комсомольца» вклинившись в такие ряды на митинге в Нижнем Новгороде, стал свидетелем, как заставляли любить родину всего за 100 рублей в час. Не слишком ли дешево стоит наш патриотизм? Кончатся спонсорские деньги, и молодые опричники нынешней власти разбегутся. А тем временем трудовой люд разъединен, обманут и озлоблен.

ЛИКВИДАЦИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В начале перестройки рабочее движение было более организовано, чем остальные общественные объединения, в том числе и новые партии. Общаясь с ним, набирались сил и стойкости даже демократы. По всей стране появлялись рабочие клубы: в Ленинграде — «Рабочая инициатива»; в Свердловске, Кемерове, Ярославле — «Рабочий»; в Москве — Московский рабочий клуб и так далее. Здесь кипели дискуссии, шла просветительская работа. В шахтерских регионах были еще рабочие комитеты, которые в политическую жизнь страны тоже глубоко не вникали, да и не могли эти люди заниматься политикой на профессиональном уровне, так как они не были освобожденными функционерами, им нужно было спешить на смену. У этих людей было мало времени, в отличие от многих научных сотрудников, которые резко сократили присутственные дни в своих учреждениях, вместо библиотечных дней ходили на митинги и полностью посвятили себя политической и общественной деятельности.

Постепенно у рабочих стали перехватывать инициативу, движение теряло темп, структурно не выстраивалось, не меняло согласно новым условиям стратегию и тактику, рабочие комитеты, стачкомы медленно преобразовывались в новые профсоюзы. Произошел отток мозгов, демократы реже стали встречаться с рабочими, стали больше думать о карьере, доходах, чем о справедливом переустройстве страны. Будучи тогда руководителем Московского рабочего клуба, я старался на различных политических тусовках наладить контакты с лидерами «Демократической России», поднимая серьезный разговор о проблемах рабочего движения, доказывал, что это не только профсоюзы, это все работающее население, которое вынуждено жить в нищете. Чтобы вывести страну из политического и экономического кризиса, нужно было объединить усилия просвещенных демократов и рабочий класс. От меня отмахивались, как от назойливой мухи. Демократы не считали эту проблему важной для страны, демократия для них была как пикник на природе, на который не стоит приглашать народ. Тем временем власть в стране в свои руки брали более практичные люди, набившие руку на интригах и даже откровенных мошенничествах на бытовом уровне, которые они превращали в форму управления стра-

ной, отодвигая от руля и кормушки самих демократов. Без связи с народом демократы оказались сиротами, в то же время без помощи интеллигенции рабочий класс не смог построить фундамент для демократической страны.

Зимой 1990 года прошел первый съезд рабочих движений в Новокузнецке, на нем была создана Конфедерация труда. Это была как бы выставочная модель, за которой ничего не было, кроме «Декларации основных принципов». Вот один из ее пунктов.

Запаздывающая политизация не вина, а беда трудящихся. Многие не понимают, что без увязки с политической борьбой экономические завоевания непрочны и их быстро отберут назад.

Политизации не получилось, хотя демократы еще долгое время пугали оппозицию рабочим движением, грозя ей народными волнениями во главе с рабочими лидерами.

Реформаторы как огня боялись второй волны забастовок, ставили своей целью разъединить, разорвать связи в рабочем движении, утопить его в разборках местного значения.

Многих лидеров пытались подкупить, сделать ручными, но рабочее движение долго держалось, чистило свои ряды. Исключен из его рядов был даже председатель первого рабочего комитета на шахте им. Шевякова в Междуреченске. Он получил вне очереди во время распределения бартера телевизор.

Убедившись, что подкупить всех не удастся, реформаторы решили действовать по-другому. Разорвать рабочее движение была призвана молниеносная приватизация государственной собственности. Для общей пользы ее нужно было сделать более растянутой во времени, переводя сначала в частные руки предприятия услуг, торговли, а потом уже переходить к производственным объектам. И боялись не столько возвращения к власти коммунистов, сколько нового рабочего движения, поэтому спешили. В один миг сделали всех как бы собственниками.

Если основываться на законах общественного развития, то наемные работники, особенно после 70-ти лет советской власти, не смогли бы стать коллективными собственниками на основе пригласительных билетов в виде ваучеров, акций. Реформаторы это понимали. Им известна была печальная судьба колхозов, которые тоже числились коллективными хозяйствами. Таким образом, российская приватизация стала аферой века, от которой страна не

скоро еще может оправиться не только материально, а главное — морально.

Первобытное общество формировалось как дикая стая, в нем брали верх более сильные и нахальные. Обыкновенный животный мир по Дарвину. В цивилизованном мире появились нормы поведения, законы, согласно которым слабым необходимо защищать, соблюдать права человека. Наши реформы, особенно приватизация, опустили страну в первобытное состояние. Законы перестали действовать, слабые, а это низший класс, оказались незащищенными. Устранены с пути носители морали — профессора преобразенские, пришла новая порода булгаковских швондеров, которые отбирали и уплотняли.

Общество в процессе своего развития часто находит отстойники для своей цивилизации: фашизм, национализм, у нас реформаторы под видом демократии стали проповедовать оголтелый капитализм, когда сильным дозволено все. Не нужно обольщаться внешним лоском, модной одеждой и утонченными манерами некоторых почитателей этой идеологии — это настоящие людоеды, вывези их на оторванный от всего мира остров, наряди в шкуры, через некоторое время они зажарят и съедят самого слабого, сработает звериный инстинкт. Хотя и острова не нужно, они и на материке поедают сородичей. Людям не платят зарплату, дети голодают, население вымирает, а хозяева предприятий, работодатели наслаждаются на курортах, прогуливают их зарплаты, это тоже философия капитализма. Наша элита, оправдываясь, говорит, что подобное состояние общества в переходный период естественно: идет первичное накопление капитала, все цивилизованные страны прошли стадию дикого капитализма. Когда это было? Тогда было все проще, не лицемерили, не разглагольствовали о демократии, не было Совета Европы, ООН и Европейского суда по правам человека, а тем более Социальной хартии Европы со стандартами для нормальной жизни человека, ниже которых опускаться нельзя.

С приватизацией спешили. Не было внятных законов, опыта тоже, зато были «красные директора», которые взяли все в свои руки. Первое предательство сделала производственная интеллигенция, она полностью переметнулась на сторону директоров, стала их пособником, эти люди подготавливали правовую основу для различного рода махинаций. Рассредоточившись по техноло-

гическим цепочкам, овладев административным ресурсом, возможностью увольнять, наказывать, давать премии, они стали перевоспитывать рабочий класс, с каждым работником занимались индивидуально, шантажировали: если не будешь послушным, не получишь премии, а то еще хуже, окажешься за воротами. Чтобы легче было управлять работником, его постоянный оклад сделали мизерным, остальное — доплаты, премии за послушание. Такие ножицы действуют и сейчас, например в «Сургутнефтегазе», одной из самых благополучных компаний, зарплата работника там складывается из оклада (30%) и премий (70%), откуда за малейшую провинность вычитаются штрафы.

Новые хозяева препятствовали общению с работниками, особенно охраняли их от прессы. Я же пытался докопаться, узнать, на какой законодательной и нравственной основе рабочий класс переходит из социализма в капитализм. Как-то в Белгороде один из рабочих активистов провел меня через пролом в заборе на территорию крупного завода «Энергомаш». Привел в бригаду, где человек десять собирали из труб какой-то большой обогреватель. Слесари, сварщики не были особенно загружены, отсутствовали какие-то детали. Я стал расспрашивать, что представляют собой новые трудовые отношения, хотел узнать их отношение к собственности — все формально были акционерами предприятия. В таких небольших коллективах, в бригадах, обязательно имеются свои заводы. Скажет несколько слов такой забойщик, перекрестит всех, а остальные только добавляют. Хорошо зная психологию трудовых коллективов, умея вступать в разговор, я и на этот раз пытался втянуть окружающих в дискуссию, искал слова, похожие на пароль, но не узнавал людей. Говорю, а в ответ — молчание, какая-то настороженность, замкнутость. Разговора не получилось. Позднее знакомый, который провел меня через пролом в заборе, рассказал о причинах, о том, что в присутствии отдельных работников откровенничать не рекомендуется, потому что все станет известно начальству. На предприятиях создана целая система доносчиков, администрация по своим каналам следит за настроением коллектива, выявляет и избавляется от неблагоденственных. Трудовые коллективы превратились в настоящие зоны, трудовые колонии.

В этом я убеждался все больше, когда такими же полуправильными способами, как и на «Энергомаше», пробирался на другие

промышленные гиганты, не говоря уж о предприятиях менее известных. Так я посетил нижегородское «Красное Сормово», Ярославский моторный завод, был на «Северостали» и везде видел одно и то же: затравленность и незащищенность работников и слежка за ними. Это не свободные люди. Директора из технологов, менеджеров превратились в «паханов», под их началом создались организованные преступные группировки, которые, оттеснив рабочих от собственности, начали присваивать ее, им нужно было прежде всего обмануть коллектив, который являлся тоже совладельцем собственности.

Эти группировки уводили под другие юридические крыши активы, вывозили за проходные все, что можно было вывезти или выкатить, оголяли финансовые счета, а тем временем нечем было платить зарплату рабочим. Например, Кондопожский бумажный комбинат, рядом с которым разыгрался в наши дни народный бунт, для внутреннего потребителя отпускал тонну бумаги по 400 долларов, а за рубеж продукция шла по 196 долларов. За короткое время комбинат потерял 22,5 миллиона долларов. Может быть, отсюда и начались беды Кондопоги. Как бы самих себя разоряя, на самом деле директора учились прятать деньги, работать с посредническими фирмами, «дочками», набирала силу черная бухгалтерия, которая делала предприятия недееспособными, банкротила их. Действовали низкие договорные цены, а разница между рыночной ценой и договорной оседала на тайных счетах руководителей предприятий в основном в иностранных банках. Эти счета некому было искать, представителей работников к финансовым расчетам не подпускали, а для власти частные дела предприятий интереса не представляют.

Против государства рабочим было легче бастовать. На их стороне были даже директора со своей свитой. Они все время подливали масла в огонь, говоря, что если предприятия станут самостоятельными, не будут зависеть от государства, тогда все можно будет изменить к лучшему. Когда это произошло, интересы сразу разделились: одни стали господа, другие — холопы. Так хоронили мечту рабочих о социальном государстве.

«5 сентября терпение мое кончилось, я объявил голодовку и в настоящее время держу ее и буду держать, пока не схохну. А что мне еще делать? Жена безработная, я тоже работы не имею, в семье пятеро детей, как жить прикажите?»

Такое заявление написал водитель Юговской мебельной фабрики Пермской области Михаил Палагин. Его уже два раза увольнял директор, но рабочий восстанавливался через суд. Директор мстил за выступление Палагина на собрании против предложенного способа приватизации фабрики: «Рабочим по одной акции в зубы, а директору с другом, который вообще к фабрике не имеет никакого отношения, — весь пакет, всю фабрику». После того как уволить не удалось, директор лишил ершистого водителя работы иным путем: запретил выдавать ему путевки на выезд. Вот тогда и объявил голодовку Палагин. Никто из рабочих за двенадцать дней голодовки так и не пришел его навестить. Бунтовщик сам набрался сил, появился к концу смены у проходной фабрики. Рабочие шли мимо исхудавшего Палагина и стыдливо прятали глаза. Среди своих фабричных он не нашел соратников, стал понимать, что люди, прежде чем бунтовать, думали о своих семьях, о детях, боялись остаться в небольшом городке без работы, без хлеба, стремились выжить, надеясь, что сейчас потерпят, а потом все образуется. После приватизационного собрания директорские посредники с Палагиным вели душевные беседы, советовали не баламутить коллектив, мол, себе будет дороже. Они знали, о чем говорят, у приватизаторов во власти все было схвачено, везде были свои люди. Палагину в обмен на покорность предлагали содействие в повышении его рабочего статуса, обещали даже зарплату поднять. Он не пошел на сделку, тогда еще думал, что своим личным примером сможет поднять людей на борьбу за свои права, вместе осилит наглого самозванца хозяина, тем более что все были недовольны установившимися порядками, возмущались в фабричных курилках, матерились, даже письма отправляли в органы власти, обращались в профсоюз. Никто не пришел к ним тогда на помощь, все от них отвернулось. Бросили тонущий корабль с людьми в открытом море, спасайся кто как может. Вместо закона в стране был введен социальный террор, он и сейчас остался главным аргументом для усмирения народа. Не пошли фабричные на баррикады, хотя уважали Палагина как специалиста, считали его человеком правильным. Палагин смерил гордыню, бросил голодовку. Стал жить как все, стал холопом, рабом, опустил голову, чтобы не смотреть вперед. Такой вывод оказался трагедией не только для шофера Палагина, для всех наемных работников, трагедией для нашей страны. Когда заканчивается со-

лидарность, взаимовыручка, помощь друг другу, тогда и вымирает рабочее движение.

ВОСПИТАНИЕ ГОЛОДОМ

Маркс в «Капитале», приводит «экономические» рассуждения делового человека. Этот расчетливый джентльмен посчитал, что если кормить рабочих его фабрики похлебкой из овощных очисток, то до того как они умрут от истощения пройдет год, а может быть, и больше. Все это время люди смогут работать на него и зарплату им платить не нужно.

Исходя из такой бесчеловечной логики и начиналась приватизация, рождалась частная собственность, происходило первичное накопление капитала. Рабочих просто перестали кормить.

Вот какое заявление написал рабочий Брянского автомобильного завода своему директору, где зарплату не давали полгода: «Прошу разрешить мне сидячую забастовку с 12.30 до 16.30, так как от голода нет сил работать и очень хочется спать».

На Благовещенской ТЭЦ зарегистрировано шесть голодных обмороков, которые привели к тяжелым последствиям.

Неожиданно остановилась шахта «Южно-Сахалинская». Один из забойщиков почувствовал головокружение. На помощь подошли товарищи. Шахтер сказал, что голоден и не может спуститься в шахту. От одного к другому разошлась эта новость, в результате была объявлена забастовка.

В ОАО «Хингалово» в Еврейской автономной области была огромная задолженность по зарплате рядовым работникам, а начальство не только получало ее регулярно, но еще добавляло к ним разовые вознаграждения, выделяло друг другу льготные ссуды.

Не меньшая задолженность по зарплате была и в ивановском АО «Меланж», в то самое время как руководство приобретало роскошные автомобили, мебель, компьютеры, директор ездил в командировки, которые обходились предприятию по 2,2 миллиона неденоминированных рублей в сутки.

Такая ситуация наблюдалась повсюду. Руководители, прикармливали зарплату рабочих, становясь обыкновенными ворами.

Основа нашей экономики — нефтяные и газовые компании. Уже забывается, как они перешли в руки олигархов. Вот, к примеру, из

каких кусочков сшивался благополучный сейчас «Лукойл». На «Уралнефтегазе», который вошел составной частью в эту компанию, стали хронически задерживать зарплату и отпускные. Как потом стало известно, руководители брали из касс предприятий громадные суммы авансом и покупали на них акции «Лукойла». Начальники открыто говорили рабочим: продайте нам акции и будете получать зарплату, отпускные вовремя. На Севере жизнь не сахар, детей летом нужно на юг вывезти, витаминами и солнцем запастись, а тут отпускные специально задерживают. Пришлось продать свои акции нефтяникам по дешевке.

Начальство выкупало акции у работников в основном за счет уменьшения их же заработной платы. Зарплату не только свели до минимального уровня, но и месяцами стали задерживать, одно сочеталось с другим. Иногда терпение у людей лопалось. Если на Юговской мебельной фабрике в Пермской области смирились с произволом, то на Кимрском станкозаводе в Тверской области взорвались. Из-за невыплат зарплат, семьям рабочих приходилось жить впроголодь, старый профсоюз давно перестал реагировать на тяжелое материальное положение рабочих. В то же время в заводской казне находились средства, чтобы продолжать строительство коттеджей для директора и его ближайшего окружения. Работники возмущались, шептались по темным углам и курилкам, но однажды загудели прямо в центре цеха, станочники бросали работу, присоединялись к спорящим. Толпа росла, становилось все горячее. Никто не видел выхода из создавшегося на заводе положения. И тут из задних рядов кто-то выкрикнул: «Пойдем, доставим их тепленькими, прямо в кабинетах». Этого было достаточно. Митингующие стали вооружаться железными прутьями, палками. Человек триста были готовы идти захватывать кабинеты не только на заводе, но и саму власть в городе. Это были не шахтеры конца восьмидесятых, готовые на компромиссы. Только чудо остановило озверевшую толпу. Несколько человек своих же преградили дорогу, стали успокаивать, но успокоить до конца не удалось — неизвестные герои ночью все-таки сожгли директорский коттедж.

Подобные бунты возникали стихийно то там, то здесь, но работники варились в котлах с закрытой крышкой, потеряна была связь с коллективами других предприятий, отсутствовала солидарность, поддержка друг друга, а ограниченным числом людей революции

не сделаешь. В конце концов бунт затихал. Второй раз работники на подобное уже не решались. Бесплезно бороться отдельным коллективом, еще бесплезнее делать это в одиночку. Власть добилась своего: людей разъединили, можно было не беспокоиться за свои тылы и делать все что заблагорассудится. Не к демократии, а к захвату власти и собственности стремились реформаторы.

АКТЫ ОТЧАЯНЬЯ

Десять с лишним лет прошло с начала приватизации, а испытание голодом продолжается, все потому, что других, более гуманных, предпринимателей у нас не появилось. В бизнес вливаются молодые силы, но опыт им передают старые «волки», которые не привыкли созидать, а только захватывать, прибирать к рукам чужое. Многим из них не приходится даже видеть этих голодных рабочих. Они живут за рубежом, там учат своих детей, в России бывают наездами, издалека управляют своими предприятиями.

По оценке газеты «Таймс», только в Великобритании сейчас проживает 23 тысячи богатых россиян, которых называют «новыми арабами». Они переехали туда, хорошо отоварившись, прихватив с собой из России 60 миллиардов долларов, это деньги, которые не доплачивали работникам на российских заводах. Заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков признал, что главной проблемой является отсутствие у нас национально-ориентированной элиты.

Месяцами и даже годами задерживают зарплату на Ясногорском машиностроительном заводе, Барнаульском комбинате химического волокна, Бирюсинском гидролизном заводе. Рабочие Воронежского экскаваторного завода объявили голодовку в связи с невыплатой зарплаты за много месяцев, взяли в заложники директора. Многократно объявили голодовку работники Красноуральского химического завода и многих других. Многомесячные задержки выплат зарплат особенно не афишируют — не слишком горячая тема для прессы. Только когда люди, доведенные до предела, начинают голодовку, в наших газетах появляется несколько строк, небольшая картинка в какой-нибудь телепрограмме.

Вот голодовка работников коммунального предприятия «Восток-Сервис» в бурятском поселке Северомуйск. В голодовке при-

нимали 67 человек, в том числе 11 детей. На 18 день участники голодовки перекрыли Байкало-Амурскую магистраль, на рельсы не пошли только беременные женщины и дети. Кто-нибудь слышал, чтобы об этой акции рассказали газеты, телевидение?

Много шума было вокруг голодовки горняков на шахте «Енисейская» в Хакасии. Из-за ненадобности, собственник сдал ее на полгода в аренду вместе с живыми людьми. Зачем такому краткосрочному арендатору думать о перспективе, модернизировать производство. Чтобы получить больше прибыли, он даже перестал платить работникам зарплату. В Государственной думе по случаю голодовки шахтеров на «Енисейской» было проведено парламентское слушание. Послушали друг друга и успокоились, в законодательстве ничего не изменилось. Прошло три года, на «Енисейской» опять голодовка и по той же причине — опять невыплаты зарплат. Объявили ее 54 шахтера, среди них шесть женщин. Рабочие голодают прямо в шахте, там нет питьевой воды и лавок. Одному из них стало плохо, с высоким давлением его увезли в больницу. Подлечившись немного, мужчина вернулся в шахту. Медики настаивают на прекращении голодовки для шестерых человек, это становится опасно для их жизни. Но никто не согласился подняться на поверхность. И лишь когда голодающие стали рисовать плакаты, готовиться к перекрытию дороги на Красноярск, долги по зарплате им отдали.

Когда первая забастовка на «Енисейской» закончилась, виноватыми признали самих шахтеров. Прокуратура завела против них уголовное дело из-за того, что они отказались бесплатно работать, и могло произойти затопление шахты. По закону горнякам нужно было проводить голодовку, ни на минуту не отвлекаясь от работы.

Таким способом, без отрыва от выполнения своих обязанностей, голодали, «в честь длительной невыплаты зарплаты», врачи скорой помощи в городе Усть-Кут Иркутской области. Одна из бригад приехала по вызову, врач подошла к больному и упала, с ней произошел голодный обморок. Не знали, кому первому оказывать помощь, врачу или больному.

Такого количества голодовок, связанных с социальными проблемами, нет нигде в мире. Людей унижают работой, рублем, годами не отвечают на их просьбы и требования. Стоит ли этим людям надеяться на переговоры, соглашения, партнерские отношения? Некоторые голодовки продолжаются до полного изнеможения людей,

уже стали появляться договоренности среди протестантов: если кто погибнет, живые пронесут труп по городу. Разве не страшно жить в таком государстве, где главным борцом за справедливость может стать труп человека?

На Западе живут гораздо лучше, но и там раз за разом возникают забастовки. Бастуют авиадиспетчеры, летчики гражданской авиации, пожарники, железнодорожники, медики и другие. Такие забастовки показывают силу и сплоченность работников, они помогают поднять зарплату, улучшить условия труда. Россия по размеру зарплат сейчас на 40-м месте в мире. Нищие работники, которым часто месяцами не выплачивают зарплату, не бастуют. По нашему законодательству это оказалось невозможно, голодовки же запретить пока нельзя.

Из множества подобных актов отчаянья населению широко преподнесли только всероссийскую акцию протеста авиадиспетчеров. С помощью голодовок они добивались повышения зарплаты. Хорошо осветили, потому что противопоставили диспетчеров населению: вот какие они плохие — о себе думают, о других нет. На экранах телевизоров умные люди подсчитывали убытки авиакомпаний, говорили, что в аэропортах скопилось много пассажиров, которым испортили новогодний отдых и так далее. Журналисты не спешили углубляться в проблемы специалистов: что значит для них 10 тысяч рублей в месяц да еще при такой ответственной и напряженной работе. В большинстве своем авиадиспетчеры после институтов оказались в общежитиях. На зарплату, которую они получали, не дашь хорошего образования детям, не говоря уже о покупке квартиры. Для чего эти люди учились, получали высшее образование? Для того ли, чтобы жить в нищете? Не отдохнув как следует в общаге, они идут на смену, а им ведь отвечать за человеческие жизни, за безопасность в воздухе. Профсоюз авиадиспетчеров пытался вступить в переговоры с дирекцией, но понимания не нашел, получил отказ. Зачем государственной конторе вступать в беседу с работниками, если в легальных способах борьбы за свои права им отказали, запретив по закону бастовать? Вот и решились диспетчеры на отчаянный шаг, на голодовку без отрыва от работы. Одного за другим по состоянию здоровья авиадиспетчеров отстраняли от работы, увозили в больницы. В результате многие аэропорты пришлось закрыть.

Раньше, чтобы привлечь внимание к своим проблемам, голодовки объявляли политзаключенные, теперь таким необычным способом борются за кусок хлеба обыкновенные работяги. Выходит, что они тоже стали в какой-то мере политическими заложниками. Власть на это никак не реагирует, как будто это не трагедия живых людей, а мыльная опера. Не о людях думают чиновники, а о капиталах, о стабилизационном фонде, как его подальше спрятать. Нашему конституционному гаранту, президенту, такое отношения к людям тоже аппетит не портит, он ни разу не забил по этому поводу тревогу, не объяснился с народом.

Разумно было бы провести тщательный анализ трудового законодательства, ужесточить его в отношении тех, кто доводит людей до голодовок. К сожалению, добивают тех, кого унижают, — слабых. Не успели окончить акцию протеста авиадиспетчеры, как новосибирская и омская прокуратуры обратилась в суд с предложением наказать диспетчеров и вообще запретить голодовки. Может, прокуратуре пойти дальше и запретить работникам ходить в туалет? Такова наша правоприменительная практика. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, чьи законы и интересы охраняют люди в прокурорских мундирах.

И на этом фоне политики говорят, что сейчас народ успокоился, все довольны, наступила стабилизация! Как можно успокоиться на голодный желудок?! Только что в Ярославле, на заводе «Холодмаш», 300 рабочих, которым не платили зарплату несколько месяцев, взяли в заложники директорат. Рабочие потребовали встречи с областным руководством, но спикер облдумы наотрез отказался, а губернатор уехал на хоккейный матч. Вместо них на завод пришел начальник департамента промышленной политики, он заявил, что ничего не знает о происходящем на заводе, хотя завод бурлит уже целый год из-за того, что собственники подводят его под банкротство. Затем на завод приехал отряд милиции и взял под охрану руководство, а с рабочими стала разбираться антитеррористическая комиссия.

РАБОТНИКА СДАЛИ СТАРЫЕ ПРОФСОЮЗЫ

На Троицкой ГРЭС Челябинской области в середине девяностых не платили зарплату пять месяцев. Ремонтник Сергей Тепляков создал инициативную группу, которая собрала подписи под требо-

ванием к руководству предприятия, чтобы людям объяснили, куда уходит их зарплата? Требование подействовало, директор пришел на собрание со свитой из пяти человек — четыре охранника, а пятый, самый главный из них, председатель профкома традиционного профсоюза. Один охранник сел для страховки за бунтарем Тепляковым. Директор заученным голосом рассказывал о трудностях в стране, а следовательно, и на предприятии, председатель профкома ему поддакивал. Тепляков не выдержал, сбросил со своих плеч руки охранника, который хотел его удержать, повернулся к залу: «Не стоит искать наши деньги на стороне. Они в карманах дирекции, в построенных коттеджах, новых машинах». Председатель профкома аж подпрыгнул, закричал: «Тепляков, садитесь, вам слово никто не давал!» Вот так по всей России вместо того, чтобы защищать работника, профсоюзные председатели поддакивают директорам, не дают рядовым слова — одним словом, стали пособниками преступных группировок.

Я не боюсь так назвать администрации различных предприятий, которые коллективно разрабатывают проекты по уходу от уплаты налогов, лжесвидетельствуют, подстраховывают друг друга при нарушении Трудового кодекса, совместно банкротят предприятия. В этих группах существует строгое разделение обязанностей по профессиональному признаку: юридические службы не только ищут лазейки в российском законодательстве для ухода от налогов и прочее, но и открыто подготавливают противоправные договора и приказы; экономисты ведут двойную бухгалтерию, скрывают доходы предприятия; а традиционному профсоюзу отведена роль мягкого буфера, чтобы при конфликтной ситуации работники наткнулись на него, теряли надежду в поисках справедливости.

В традиционном профсоюзе все перемешалось, не поймешь, где свои, где чужие. Членами профсоюза являются те, кому дано право наказывать и поощрять на производстве других, то есть представители администрации, и работники, которых притесняют. Такие отношения между начальниками и подчиненными автоматически перешли с производства в общественную организацию — в профсоюз. Равноправия здесь нет и быть не может, все время оказываются правы те, кто выше по статусу, люди из администрации. Можно сказать, что они в своих интересах приватизировали рабочую организацию. Например, в костромской компании «Карьеравтодо-

ре» профсоюз возглавляет главный энергетик предприятия, а на калининградском заводе «Балткран» председателем профкома избран начальник отдела кадров Александр Прибор. Одной рукой он подписывает приказы о наказании работника, а другой, уже от лица профкома, должен как бы писать на себя жалобу, защищать его.

Как можно одновременно защитить интересы волка и несчастного ягненка, которого подают ему на обед? Разве это не лицемерие, возведенное в рамки закона? Правительство, Госдума штампуют законы, которые позволяют работодателям вклиниться в рабочий профсоюз, парализовать его работу.

Раньше можно было пожаловаться в райком. А сейчас куда? Например, в адрес Государственной инспекции по труду Челябинской области от шахтеров Копейска поступило 90 жалоб на плохие условия труда. Инспектор, можно сказать, совершил служебное преступление — сдал жалобщиков администрации компании. На шахтах стали готовиться к увольнению недовольных.

Обращение в ФНПР — только потеря времени. Одна у них задача — отвести удар от хозяина. На костромском заводе «Рабочий металлист», теперь это акционерное общество «ЭКСКО», была большая задолженность по зарплате, работники подали в суд на дирекцию. Интересы работодателя при разбирательстве представлял... правильно, председатель профкома! Стыдил работников, обвинял их в рвачестве.

Генеральный директор ВЦИОМа Валерий Федоров на основании социологических исследований заявил, что только четыре процента работников в конфликтных ситуациях готовы обратиться за помощью в профсоюз. ФНПР является декорацией, как и вся наша демократия, которую называли «суверенной». Это определение, наверное, служит эвфемизмом «выдуманной», театральной.

Люди заявляют, что у нас нет профсоюзов, а президент Путин бросает вызов обществу, встречается с Михаилом Шмаковым — лидером традиционных профсоюзов, беседует с ним о жизни наемных работников. Один не знает, как живут эти люди, потому что не бывает в трудовых коллективах и не принимает обиженных работодателями людей, но рассказывает второму, который не может уличить в вымысле, потому что владеет информацией в еще меньших объемах. Получается разговор не о нашей, а о какой-то другой стране, о зеркале.

Разрушить, убрать этот профсоюз и создать новый не получается, за него горой стоит власть и капитал, которым он очень удобен. В результате человек, оставшись один на один с работодателем, вынужден создавать философию выживания маленького человека. Многие убеждены, что нравственность разрушают американские фильмы, телевидение, пресса — с их помощью насаждается жестокость, бездушие. Это правда, только отчасти. Настоящая наука по разрушению морали зарождается в собственной стране, на каждом рабочем месте. Искореженные понятия о морали, нравственности приносят в свои семьи наемные работники. Подготавливая детей к взрослой жизни, родители убеждают их, что с начальством нельзя спорить, отстаивать свое мнение, вообще не нужно ввязываться в происходящие события. Как вы думаете, почему, когда на улице избивают человека, никто за него не заступает? Это результат науки выживания, плоды воспитания всего общества и человека в отдельности. Из всех трудовых прав оставлен только «юрьев день»: если не нравится, можешь сменить хозяина, фирму. Увольнение, сокращение — основные методы разрешения конфликтных ситуаций в нынешних трудовых отношениях. Люди боятся оказаться в списках неблагонадежных: не берут больничные; мирятся с тем, что отпуск меньше положенного, а рабочий день длится столько, сколько прикажет хозяин.

Раньше в советских профсоюзах решали на собраниях производственные вопросы, профкомы, цехкомы занимались распределением дефицитных материальных благ, вели разговоры о трудовой дисциплине. Теперь производственные вопросы отпали, распределять нечего. Подготавливать и заключать экономически выверенные коллективные договоры при членстве работодателя в профсоюзе не получается. Первичные профсоюзные организации фактически прекратили свое существование. Коллектив распался на группы с разными интересами, противоречия достигли критической точки. Председатели профкомов, слушаясь директоров, не собирают членов профсоюза на собрания, не отчитываются о своей деятельности.

Хочу еще раз вернуться к глубоко личному. Так уж получается, что, как только начинаю рассказывать о трудовых отношениях, о профсоюзах, о незащищенных людях, сразу вспоминаю эпизоды из собственной жизни.

В начале перестройки многие активисты рабочего движения искренне верили, что профсоюзы можно реставрировать, неформальные лидеры, которые появлялись в каждом коллективе, заставят их действовать в интересах работников. Да и руководство ФНПР периода демократической романтики хотело показать, что федерация меняется.

В начале девяностых меня пригласили помочь реформировать эти профсоюзы. Я стал помощником председателя Игоря Ключкова по стратегическим вопросам, получил возможность посещать на законных основаниях трудовые коллективы, приглядываться к происходящему и работать на перспективу.

Запомнилась поездка в Йошкар-Олу. Меня отвезли на крупный машиностроительный завод, по мнению местных профсоюзных деятелей, здесь была одна из лучших профсоюзных организаций республики. В профкоме много рассказывали о своих победах и удачах, сколько сдали, сколько построили. Потом мы вышли с председателем профкома в цех. Был обеденный перерыв, люди собирались кучками, расслаблялись в беседах. Я подошел к одной из групп и задал провокационный вопрос: «Есть ли на заводе профсоюз?» Рабочие замахали руками: «Какой профсоюз, мы его не видим и не слышим». Председатель профкома был в шоке.

И так на большинстве предприятий руководители профсоюзов не выполняли свою главную задачу — защиту наемного работника, они вообще не общались с коллективами.

Нужно было менять концепцию профсоюзной работы, я начал ее подготавливать, в помощь мне подключили науку. К сожалению, Ключков был всего на всего председателем в коллективном органе, основные решения по федерации принимали коллегиально, на пленуме. Это были в основном председатели облсовпрофов, руководители отраслевых обкомов и так далее, списанная на тыловые работы партийная номенклатура, люди в возрасте, седые головы. Вот с ними и нужно было согласовывать крутой поворот в жизни советских профсоюзов.

Для того чтобы этот разговор был убедительнее, пригласили на пленум небольшую группу рабочих лидеров. Активисты из коллективов один за другим выходили на трибуну, рассказывали о соглашательской с работодателями политике руководителей профсоюзных организаций. В зале стало твориться невообразимое: седые

головы стали свистеть, топтать ногами, буквально сгонять с трибуны рабочих, те принципиально покинули зал. На этом празднике они оказались лишними.

После того пленума я окончательно утвердился в мысли, что традиционные профсоюзы не способны реформироваться, так как старые кадры не дадут этого сделать. Я написал докладную Ключкову, предложил радикальный выход — нужна революция, советовал встретиться с Ельциным и добиться согласия на строительство новых профсоюзов с нуля.

Докладная заинтересовала руководство ФНПР, но не хватило этим людям силы воли, все спустило на тормозах, никто не собирался ничего предпринимать. После этого я почувствовал себя лишним среди этих деятелей, как и рабочие лидеры на пленуме ФНПР. Написал заявление по собственному желанию, объяснил причины своего ухода из ФНПР в большой публикации в газете «Труд». Статью перепечатали многие газеты в регионах. Для того чтобы опровергнуть сделанные в ней выводы, ФНПР собрала многочисленную конференцию из специально подобранных рабочих, как бы штрейкбрехеров.

Так и остались традиционные профсоюзы бесплатным приложением к работодателям, которые не позволяют проявлять им свой норов, останавливают сразу.

Из-за задержек зарплат работники Сокольского целлюлозно-бумажного комбината в Вологодской области по призыву профкома старых профсоюзов приостановили работу. Администрация отреагировала на это, как ей и полагается. Члены цехкомов во главе с председателями были вызваны в службу безопасности, где у них отобрали пропуска. Затем охрана направилась в профком комбината и забрала ключи от помещения у его председателя.

В стране в начале девяностых начались процессы, которые требуют тщательного анализа. Предваряя его, я хочу рассказать об эпизоде из жизни руководства ФНПР.

Во время путча в 1991 году был собран чрезвычайный совет ФНПР. Федерация решала, чью сторону принять. Пока шло заседание, меня оставили у телефонов. Вдруг позвонили от Ельцина, он просил руководство ФНПР идти на заводы и фабрики, вести народ к Белому дому. Я зашел к прозаседавшему и передал эту просьбу. Возникла ситуация, не уступающая по эффекту сцене из «Ревизио-

ра»: все от изумления открыли рты и в таком состоянии надолго замерли. Конечно, никто к проходным не пошел. Нельзя было даже представить этих деятелей в качестве народных трибунов, призывающих людей идти на защиту демократии. Профсоюзные функционеры боялись трудовых коллективов, боялись стоять лицом к толпе. Шахтеры же в это время на свой страх и риск добирались группами в Москву. Они пытались защитить перестройку. И защитили. Народ победил реакцию, а дальше случилось непонятное: меняя политический строй и борясь с КПСС, реформаторы неожиданно сделали ставку на прежние профсоюзные структуры, которые служили фундаментом коммунистического режима.

Сохранение «школы коммунизма», так называли старые профсоюзы, не было стратегическим просчетом, тем более забывчивостью реформаторов, это было хорошо продуманная политика. При грабительской приватизации и проведении других антинародных реформ их использовали для дела, которое они хорошо знали. Нужно было держать народ в узде, гасить на местах возмущение, разъединить людей, изолировать самых активных. Профсоюзы под названием ФНПР, опираясь на поддержку директоров, хорошо справились с этой задачей. Сейчас в нашей стране живет каждый сам по себе, нет внизу объединительных сил для организации борьбы за свои права, отсутствует чувство солидарности, а значит, не существует и самого гражданского общества. Все поднимается от корней, от рабочей ячейки, а эти корни отрубили.

Руководство ФНПР не долго тешилось невинностью, независимостью. Вскоре убрали Клочкова, поставили, очевидно, более сговорчивого Михаила Шамова, и ФНПР примкнуло к партии чиновников и работодателей — к «Единой России».

За предательство интересов наемных работников руководство ФНПР получило в свое управление огромную собственность: санатории, дома отдыха, спортивные залы, среди них даже памятник архитектуры, здание бывшего дворянского собрания, называемое сейчас Домом союзов. Вот и помалкивают профсоюзные функционеры, боятся лишиться кормушки. Ведь только, к примеру, в Костромской области в 1990 году в распоряжении профсоюзов находилось пять санаториев, функционировало 26 санаториев-профилакториев, 39 пионерских лагерей, гостиничный комплекс «Русь», туркомплексы: «Берендеевы поляны», «Лунево», 85 библи-

отек, 26 киноустановок, дворец спорта «Спартак» с двумя плавательными бассейнами, стадион «Караваев», и многое другое. В строительство этих объектов вложены колоссальные народные деньги. Где сегодня эта собственность? Кому принадлежит? Корыстные интересы и преступные комбинации привели к тому, что все принадлежит теперь частным лицам или сдается в аренду по бросовым расценкам, а полученные средства идут на удовлетворение потребностей профсоюзных чиновников, на их зарплату.

СВОБОДНЫЕ ПРОФСОЮЗЫ

Напрасно говорят, что бизнес боится инвестировать свои средства в Россию, потому что после приватизации собственность стала нелегитимной и народ требует отнять несправедливо нажитое. Эти сказки придумывают, чтобы оправдать бездарную экономическую политику правительства. Нашему работнику и народу в большинстве своем безразлично, кому принадлежит завод, комбинат, лишь бы предприятие работало и платили хорошую зарплату. Не во времена приватизации, а сейчас с попустительства властей обкрадывают рабочего человека, делают его нищим, платят гроши. Хозяева боятся, что у людей надолго терпения не хватит, поэтому уводят активы за границу, банкротят предприятия. Чтобы работники не смогли организованно сопротивляться, не дают развиваться новым профсоюзам, делают ставку на старые, в которых, как и в Госдуме, музыку заказывает бизнес. Девиз советских профсоюзов был: «Профсоюзы — школа коммунизма». В этих организациях учили определенному образу жизни. Сейчас этот девиз можно было бы согласно велению времени поменять: «Профсоюз — школа гражданского общества». В настоящем профсоюзе многому можно научиться: заставить уважать свое человеческое достоинство, стать настоящим гражданином своей страны. В рабочих ячейках и должна зарождаться низовая демократия, строится фундамент общества, здесь ты не одиночка, которого легко обмануть. Такие организации наводят страх, прежде всего на «Единую Россию», потому что с их помощью люди станут больше понимать, анализировать, не будут продавать первому встречному за бутылку водки, за пустые обещания свои голоса, торговать политикой будет труднее. Придется не только сочинять манифесты, но и что-то делать конкретное для народа.

Может показаться, что эти трудности с профсоюзами надуманные: не получается со старыми, создавай новые, по Конституции у нас свобода объединения. Вот как описывает эту свободу бывший председатель профсоюза «Магистраль» трубопроводчик Сергей Смердов. Он попытался создать новый профсоюз на нефтяных промыслах. Здесь очень много стоит на кону и не у государства, а прежде всего у олигархов. Как и положено, традиционный профсоюз здесь был подавлен, не работал. На головном предприятии, УМН (Управления магистральных нефтепроводов) возглавляла профком секретарша начальника. Для администратора такое совместительство очень удобно — всегда защитит от нахрапистых работников, а если что-то нужно подписать, всегда под рукой. Одним словом, профком личного пользования.

В ЛПДС (линейно-производственной диспетчерской станции) «Шаим» (по названию поселка) — структура УМН, где работал Смердов — председателем профкома стал начальник одной из служб Никифоров. После избрания он пошел на повышение, стал главным инженером «Шаима». Может ли профком Никифорова противостоять администратору Никифорову, объявлять самому себе забастовку, входить с самим собой в трудовой конфликт?

В свободный профсоюз Смердова сначала вступили 33 человека, потом еще подтянулись люди. О создании профсоюза уведомили администрацию. Начальник управления вызвал Смердова для знакомства, спросил, почему тот решил создать новый профсоюз, а он ответил: «Старый профсоюз не работает. Председатель профсоюза является сам администратором. Со всех сторон жмут, а защиты просить не у кого, вот и решили создать свою организацию».

Обменялись любезностями и разошлись. Но ненадолго. Только начали входить в роль, выставлять требования по оплате ночных и сверхурочных работ, говорить на официальном уровне про незаконный отъем акций у работников, тут же последовала ответная реакция — сократили заместителя Смердова Миронову. Прилетела она с вахты, а ей — бумагу в руки, из которой явствует, что ее ставка сокращена. По закону, прежде чем сокращать одного из профсоюзных лидеров, нужно согласовывать это с месткомом. Профсоюз отправил жалобу в прокуратуру, та — молчок. Написали жалобу в окружную прокуратуру. Оттуда спустил указание подведомственной структуре, чтобы с данным фактом тщательно разобрались и дали

ответ. Через некоторое время ответ пришел. В нем сказано, что оснований для привлечения к ответственности должностных лиц УМН не имеется, так как профсоюз не утвержден вышестоящим органом, и устав не приведен в полное соответствие с законодательством.

Смердов вступил в переписку с прокуратурой, он перечислил все статьи закона, на основании которых создан и существует профсоюз, провел как бы правовой ликбез для советников юстиции. Во-первых, общественную организацию тогда никто не должен был утверждать — собрались, написали протокол, проголосовали за устав, если в нем нет призывов к насильственному свержению власти, то никаких претензий быть не может, не обязательно даже становиться юридическим лицом.

Профсоюз Смердова подал иск в суд. Судебное заседание о защите прав профсоюза откладывалось трижды. Сначала не предупредили профсоюз, потом председателя специально откомандировали на трассу, обещали привезти и не привезли. Наконец в назначенное время в суд пришел местный комитет в полном составе, а им — от ворот поворот, заседание опять перенесли, так как представитель ответчика, мол, откомандирован в Тюмень (вечером стало известно, что он никуда не уезжал).

Через несколько дней позвонили из прокуратуры и сказали, что срочно, к началу рабочего дня, нужно принести кое-какие бумаги по профсоюзу. Смердов написал заявление, что в связи с вызовом в прокуратуру он задержится, передал его через соседа. Вернулся из прокуратуры на работу и узнал, что заявление не подписано, так как трубопроводчика Смердова оказалось нечем заменить, так что он здесь больше не работает. Показали приказ: «...за прогул без уважительной причины и неоднократное нарушение трудовой дисциплины уволить Смердова Сергея Дмитриевича по ст. 33 п. 4». Получается, что прокуратура вместе с управлением нефтепровода работала в одной связке. Одни вызывают работника, чтобы у него был прогул, а другие за это его увольняют.

На следующий день уволенный трубопроводчик приехал за расчетом, ему по секрету сообщают, что бывших и нынешних членов профсоюза «Магистраль» созвали в контору. Он попытался туда пройти, но охрана его выпроводила за ворота.

Один из работников рассказал Смердову об этом собрании: «Вызвали, сказали, чтобы писали о выходе из профсоюза, иначе уволят.

Все и стали писать, и я тоже написал. А что делать? Вот ты, Сергей, в статье написал, что нас считают быдлом. А мы и есть быдло. Только нам самим стыдно в этом признаться. Мною управляют как хотят». Заставляли писать заявление даже тех, кто уже давно не был членом профсоюза. В угоду начальству они стали выходить из него по второму и даже по третьему разу.

Профсоюз Смердова с самого начала стал нести потери. Обратился работник с просьбой об отгуле в контору. Ему в ответ: откажись от профсоюза — разрешим отгул. Другой мечтал об отпуске в летнее время, предлагали отпуск в обмен на выход из организации и так далее. Причем заявления просили писать в двух экземплярах: одно — для месткома, другое — для администрации.

Смердов опять обратился в прокуратуру, а там, оказывается, произошла перестановка: прежнего прокурора убрали, видно, за то, что позволил создать свободный профсоюз. Новый прокурор вежливо предупредил: «Вы — профсоюз, вот и покажите свою силу. Если не получается, приходите ко мне, но если вы будете действовать как Ширяев, то я боюсь, что мы не найдем общего языка».

Оказалось, что нового прокурора перевели из Нефтеюганска. В этом городе, в бывшей вотчине Ходорковского, недавно убили мэра Петухова. Мешал мэр «ЮКОСу», сопротивлялся беспределу руководителей компании, которые не только приватизировали скважины, но и хотели посадить на голодный паек горожан, не платили налоги для нужд города. Петухов не позволил этого сделать, даже объявил по этому поводу голодовку, к тому же он поддерживал хорошие отношения со свободным профсоюзом. Горожане уважали своего мэра за принципиальность, а когда его убили, то по призыву председателя профсоюза Ширяева весь город вышел на улицы. Вот этого, по мнению прокурора, и нельзя было делать Ширяеву. Убивать мэров — куда не шло, а устраивать массовые протесты против этого нельзя. Нужно было людям сидеть по домам и молча горевать по хорошему человеку.

Профсоюз «Магистраль» все-таки распался, не выдержал давления, социального террора. Людям на конкретных фактах доказали, что общественная организация не может противостоять работодателю, которого поддерживала прокуратура, суд, городская администрация. Вот так и живет наша страна по понятиям, законы для нее оказались подобием праздничного украшения: наверху все

сплотились, друг друга поддерживают, коррупцией намертво повязаны, а внизу бьются по одиночке и противостоять сплоченному верхнему сообществу не могут.

До самых верхних судебных инстанций дошли протесты «Магистрала», жалобы, кассации — все бесполезно. Свое увольнение Смердов тоже опротестовал в городском суде. Тот пришел к выводу, что уволили его неправильно. Так и записали в судебном решении, но забыли при этом добавить, что после выяснения такого факта, необходимо пострадавшего восстановить на работе и заплатить за вынужденный прогул.

Не лучше судьба свободных профсоюзов сложилась и на других нефтяных промыслах. В ОАО «Славнефть — Мегионнефтегаз» перед профсоюзным собранием заместителя председателя профкома Марата Мухаммадиева один из руководителей компании Сергей Панченко схватил за шиворот и начал выталкивать из помещения, а в это время сын начальника, специалист этого же производства, наносил удары Мухаммадиеву по голове. В результате тот на 12 дней попал в больницу с сотрясением мозга, а начальники остались на свободе, охраняют свое производство от профсоюзов.

Так расправляются со свободными профсоюзами. Чаше начинают с лидеров, стараются не допускать их до коллективов.

Ходит без пропуска вокруг завода председатель профсоюза Самарского шарикоподшипникового завода Александр Беленко. За проходной оказался председатель профсоюза завода «Москвич» Михаил Ворошилов. Этот профсоюз до конца боролся за предприятие, которое руководство умышленно вело к банкротству. Приходилось автомобилистроителям проводить профсоюзные собрания за заводом, у проходной. Все это незаконно, но ни суд, ни правоохранительные органы не встают на их защиту. Наоборот, сами устраивают провокации.

В отделение внутренних дел в Кургане пришла анонимка. В ней сообщалось, что профком работников авиационных служб не целевым способом расходует финансовые средства. Милиция подключила прокуратуру. Однако, во-первых, анонимки у нас не рассматриваются, а во-вторых, есть закон «Об общественных объединениях», коими профсоюзы и являются. В нем сказано, что вмешательство государственных органов и должностных лиц в деятельность общественных объединений не допускается. Что ка-

сается денежных средств, то в каждой общественной организации есть ревизионная комиссия, она и должна выяснять, как они расходуются. Может быть, пытаюсь развалить профсоюз, анонимку составил кто-то из руководителей аэропорта. Чего только не сделаешь для своих людей? Милиция, прокуратура, нарушая закон, стали «шить» дело председателю профкома Кулику, подключили к этому мирового судью. Тот наказал Кулика за непредоставление финансовых документы прокурору. Решение мирового судьи и прокурора отменила вышестоящая судебная инстанции. Просто отменила, а нужно бы вынести частное определение о служебном несоответствии засветившихся в этой некрасивой истории личностей, чтобы другим было неповадно.

В воронежском Конструкторском бюро химической автоматики сократили лаборантку Светлану Чурсанову. Свободный профсоюз согласия на это не дал, потому что она была председателем цехкома, но увольнение все равно состоялось. Ее уволили задним числом. После дня увольнения лаборантка продолжала еще пять дней трудиться, что является грубейшим нарушением законодательства. Да и какое это сокращение штатов, если лаборантов оказалось не десять, а одиннадцать? Чурсанова обратилась в суд. Судья дал понять работодателю, что восстановление лаборантки неизбежно, тогда по просьбе ответчика его сразу заменили на более сговорчивого. Новый судья согласился, что работодатель допустил нарушение закона при увольнении, но восстанавливать из-за такого пустяка человека нет необходимости, посоветовав работодателю для соблюдения законности произвести изменение даты увольнения в трудовой книжке задним числом. Комментарии, как говорится, излишни.

Лидеров профсоюзов убирают, с рядовыми тем более не церемонятся, вызывают, как и в Урале, на нефтяных промыслах, по одному в кабинет, заставляют выйти из профсоюза.

Обрабатывали шахтеров в Копейске, ставили условие: если они не выйдут из Независимого профсоюза горняков, то им не выплатят зарплату.

Члены независимого профсоюза ОАО «Сургутнефтегаз» вынуждены были даже обратиться за помощью к уполномоченному по правам человека в России Владимиру Лукину. После того как они создали свободный профсоюз, к ним начались придирки по работе, увольнения активистов.

Обратилась в прокуратуру первичная профсоюзная организация «Североникеля», Кольской горной компании. Рядовых членов профсоюза компании вызывали по одному к руководству. Были заранее заготовлены бланки о выходе из профсоюза, подписываться под которыми заставляли под угрозой сокращения, невыплаты премий.

Вот заявление работницы Ярославского моторного завода: «Я, Ножилова М. Л., прошу исключить меня из членов профсоюза, т. к. я могу быть уволена, если не выйду из этой организации». В свободный профсоюз моторного завода поступило 25 таких заявлений, многие из них коллективные.

КЛЕТКА ДЛЯ ПРОФСОЮЗА

Наша Конституция заявляет, что Россия — социальное государство. Несчастный гражданин начитается конституционных статей-заповедей и начинает бросаться за защитой своих прав в одно место, другое, а, оказывается, бьется о глухую стену. Люди наконец уяснили, что Конституция — это сказка, которая так и не стала былью, она с российской действительностью не сочетаются. Власть и сама стала понимать, что Конституция, подготовленная в демократическом порыве, подставляет ее. Стали исправлять положение, избавлять народ от иллюзий, законы стали принимать более жесткие. Так произвол постепенно входит в правовое пространство. Надо сказать спасибо «Единой России», которая составляет большинство в Государственной думе. Осталось только принять закон, по которому нельзя собираться больше трех человек, и наше правовое государство, «суверенная демократия» будут доведены до совершенства.

В Государственной думе функционеры старых профсоюзов ФНПР свои ребята. Просочившись через «Единую Россию» в парламент, они как бы привели с собой гражданское общество.

На самом же деле это не организация, а решето, удержать в нем людей не получается. Возьмем для примера опять Костромскую область. С 1990 года численность областной профсоюзной организации сократилась с 375 тысяч членов до 120 тысяч, то есть уменьшилась на 68%.

Вот и решили удерживать людей в старом профсоюзе силой, приняв новый Трудовой кодекс, по которому навязывают эти про-

фсоюзы работнику, не оставляя альтернативы. Коллективные переговоры могут вести только самые массовые профсоюзы, то есть входящие в ФНПР.

Для того чтобы объявить забастовку, например по вопросам повышения заработной платы и улучшения условий труда, нужно собрать конференцию, на которой должно присутствовать не менее половины трудового коллектива, в том числе представители администрации — они ведь тоже члены коллектива. Решение будет принято, если за забастовку проголосует не менее половины присутствующих. Безусловно, администрация приведет на конференцию всех зависимых от нее людей, и они дружно проголосуют против забастовки. Многие рядовые работники, которые еще вчера в курилках жаловались на малые заработки и плохие условия работы, подбивали на решительные действия других, на конференцию не придут. Не нужно делать из них злодеев, предателей. Они страхуют себя от неприятностей: вдруг не выдержат, выступят с резкими словами в прениях, а непосредственные начальники будут рядом и проследят за «свободным» волеизъявлением подчиненных, сразу, не дожидаясь забастовки, сделают оргвыводы о «профпригодности» человека. Нужно признаться, что и сам разговор о таком собрании — это только потуги воспаленного ума. Много лет назад приняты нормы в законе, но никто не слышал после этого, чтобы подобное собрание где-либо состоялось. Нужна инициатива. Профсоюзы ФНПР с ней не выступают, других рабочих организаций на предприятии нет или к их мнению не прислушиваются. Даже если собрание состоится, то на нем нужно решить вопрос не только о проведении самой забастовки, но и о ее продолжительности. Это вообще запредельная норма в законе, не поддающаяся здравому смыслу. Как можно, идя на забастовку, декларировать дату ее окончания?! Забастовка вроде бы должна длиться до тех пор, пока не администрация не начнет выполнять требования протестующих. Кто может заранее предугадать, как в спорной ситуации будут развиваться события? Однако если не оговорена продолжительность забастовки, она считается незаконной. С помощью введения всяких оговорок и процедурных ограничений забастовки в нашей стране стали возможны только теоретически. За таким лукавым законодательством и скрывается фальшь всей нашей «демократической» жизни. Право декларировано, а выполнить нет возможности. Мы

явно недооцениваем профессионализм депутатов Государственной думы. Нужно обладать большим мастерством, чтобы зафиксировать право на забастовку и тут же превратить его в фикцию.

После принятия нового кодекса на трудовом фронте наступил мир и покой, который правда прерывается голодовками, самоистязаниями людей в виде протеста против действий работодателей, но их можно не принимать во внимание. Процедура проведения таких мероприятий не описана в законодательстве, их количество статистика не фиксирует, поэтому нет необходимости говорить не только о продолжительности подобных акций, но и вообще о них. Тут уже действительно полная свобода, можешь голодать хоть до трагического исхода, до самой смерти, за это никто не понесет наказания.

Международная организация труда (МОТ), в которой Россия является равноправным членом, по всем этим юридическим нелепостям сделала рекомендации нашему правительству, предложив исправить положение дел, внести в Трудовой кодекс поправки, сделать его более демократичным. Это касается упрощения самой процедуры для объявления забастовки, о забастовках солидарности, которые у нас запрещены, о возможности прибегать к забастовкам, чтобы добиться признания профсоюза, уменьшить круг отраслей и профессий, где забастовки не допускаются, запретить во время акций протеста применять труд штрейкбрехеров. Также в рекомендациях говорится о свободе на объединения, то есть право на создание профсоюзов. Эта свобода у нас тоже декларирована, упоминается в законодательстве, но благодаря нашим искусным депутатам, ее возможности сведены к минимуму. Идет повсеместное преследование свободных профсоюзов, их членов. Не успели создать свободный профсоюз в «Сургутнефтегазе», как его председателю, крановщику Александру Захаркину, вместо привычной зарплаты в 15—18 тысяч рублей начислили 3182 рублей, остальное отобрали за счет надуманных штрафов. Думай, председатель, как жить дальше. Для того чтобы право на объединение работало в полную силу, нужна его законодательная поддержка, то есть защита от профсоюзной дискриминации, от вмешательства в дела организации со стороны работодателей, обязательное право для каждого профсоюза на коллективные переговоры и, самое главное, правовая защита от репрессий лидеров и членов профсоюзов.

Все эти рекомендации Административный совет МОТ прописал нашему правительству еще в 2003 году и ежегодно подтверждает их в своих докладах. Правительство пока отмалчивается, но может и заявить международным структурам, что они вмешиваются во внутренние дела страны, мешают унижать и подавлять работника — у нас же своя «суверенная» демократия, нужно ее уважать.

Наше законодательство навязывает профсоюзам определенные организационные структуры, по Конвенции МОТ это является недопустимым. Почему собственник может менять форму собственности (сегодня — ОАО, завтра — ЗАО, потом еще что-нибудь), уходя таким образом от налогов, долгов, а то и от заключенных с рабочими организациями коллективных договоров, профсоюзы же свою структуру менять не имеют права? Они, как послушные овечки, вынуждены следовать за работодателями, каждый раз создавая по новому юридическому адресу первичку. С помощью такой подчиненности и вторичности работодатель подминает под себя защитников рабочих, превращает их в своих слуг. Строят для профсоюза клетку, как для говорящего попугая, а его нужно выпустить на свободу. Государство боится это сделать.

Сейчас профсоюзным структурам, созданным по территориальному и отраслевому признаку, не дают право с согласия с коллектива предприятия напрямую вести переговоры по заключению коллективного договора. Это юридически уполномочены делать только первичные профсоюзные организации, а в них не хватает профессионалов и независимости. А как быть морякам, которых собирают в команды перед самым выходом в рейс? Полгода пробудут они в море, а потом экипаж распадется. Какая может быть здесь первичная организация, какая защита?

Случались подобные кризисы и в других странах. Все знают про великую американскую депрессию начала тридцатых. Президент Рузвельт нашел способ, как побороть хаос и нищету. Был принят ряд законов, стимулирующих создание рабочих мест, но главное, он стал восстанавливать трудовую демократию. Для этого был принят закон Вагнера, гарантирующий работникам право на объединение в профессиональные союзы и возможность заключения коллективных договоров. Этим же законом учреждалось наделенное широчайшими полномочиями Национальное бюро трудовых отношений (НБТО). Бюро обладало правом назначать выборы в

трудовых коллективах, на которых рабочие могли определить голосованием, какому профессиональному союзу они доверяют свою защиту, для этой цели как бы нанимая не любителей, а управляющие компании с хорошими менеджерами. При желании рабочие имели право отклонить любой неудобный им союз. НБТО наделялось также правом пресекать несправедливые действия предпринимателей по отношению к союзам. Для выхода из экономического кризиса американский президент прежде всего защитил права работников, чтобы они почувствовали себя хозяевами в стране. В результате принятых мер США выбрались из глубокой ямы. Наши правители делают все наоборот, превращают трудовой народ в бессловесных животных. Результат налицо.

ГЛУХИЕ ВРЕМЕНА

Если ты обладаешь достоверной информацией, то вооружен и знаешь, что делать дальше. Нас этого лишили. Народ как бы ослеплен, он потерял ориентиры, не знает куда идти и каких выбирать друзей, политиков. Власть старается обезопасить себя от свободы слова. Даже вот приняли закон об «экстремизме», из которого следует, что критика чиновников — это тоже экстремизм, причем самой разрушительной силы.

Свобода слова — это право каждого гражданина открыто критиковать депутатов, чиновников, работодателей да и самого президента. Не разводить демагогию, а приводить конкретные факты. Я не просто рассуждаю, а говорю о том, что хорошо знаю.

Люди, к сожалению, перестали думать, потому что у них отняли возможность сравнивать факты, события, делать выводы.

В начале девяностых я опубликовал в «Новой газете» статью о новых профсоюзах, о сложившихся в стране крепостнических трудовых отношениях. Надо сказать, что в глубинке эта газета мало распространена. Активисты рабочего движения переслали номер из Челябинска учительнице в городок Троицк. Рабочее движение тогда было в силе, и подобная методическая рассылка лидерам, организаторам широко практиковалась. Учительница при помощи подруг размножила ее и распространила в городе. Как следствие в Троицке было организовано 12 свободных профсоюзов, в том числе на ГРЭС, председателем его стал ремонтник Сергей Тепляков.

Я был только одним из многих, кто с помощью прессы формировал идеологию рабочего движения. Рад, что таким образом имел возможность помогать людям.

Когда заглушили голоса рабочих в прессе, они стали проигрывать перестройку. Возглавляя Союз общественных корреспондентов России, я имел постоянную связь с рабочими, среди них были токари, учителя, хлеборобы — люди из разных уголков России. Во всех изданиях можно было увидеть тогда проблемные материалы этих активистов, все по делу, любое из них передавай в прокуратуру для разбирательства или для обсуждения депутатам.

Деятельность общественного корреспондента нельзя назвать профессией, это, скорее, проявление характера человека, его гражданской позиции. Не всякий профессиональный журналист может проникнуть туда, где живут эти люди. Для очищения общества от нравственной грязи обязательно должны быть такие ассенизаторы.

В начале девяностых мы сообща стали выпускать бюллетень «Провинциальная хроника» и газету «Наши голоса»; зарегистрировали информационное рабочее агентство Союза общественных корреспондентов («ИРА-СОК»). Около 400 человек были задействованы в работе агентства, 65 корреспондентских пунктов, 13 информационно-правовых центров. Такими центрами стали корпункты в Невинномысске, Красноуфимске, Иркутске, Щадринске, Ельце, Воркуте, Дмитрове, Дятькове, в поселке Талица Свердловской области и в других населенных пунктах. Наши корреспонденты защищали людей не только с помощью прессы, но и участвуя в судебных процессах. Приходили люди в корпункт как бы для подзарядки, поговорить, посоветоваться, узнать новости. Разговор шел прежде всего о правах, о человеческом достоинстве, которое необходимо отстаивать. Такие корреспондентские уголки располагались в самых разных местах: в домах культуры, в редакциях газет, в профкомах, здесь собиралась информация со всей округи. Корпункты работали всего несколько часов в день, в основном в вечернее время, а влияние оказывали большое. В «Провинциальную хронику» шла информация с заводов, рабочих поселков, забытых богом деревень. Шел своеобразный мониторинг, появилась возможность проверять, как отзывается вновь принятый закон в народе. Многие центральные издания публиковали нашу информацию, ее даже использовали ученые в аналитических работах.

Нелегко было работать членам нашего информационного агентства в то экстремальное время. Им угрожали, подкарауливали в темных углах и избивали. Было две попытки физического устранения общественного корреспондента из Шушенского Красноярского края Николая Румянцева; уволен с работы за корреспондентскую деятельность Анатолий Макаров из Красноуфимска Свердловской области; Юрию Ермолаеву из Нижнего Новгорода два раза поджигали дверь в квартире; в Самаре проломили голову Александру Белову; в Череповце охрана «Северстали» учинила погром в помещении, где выпускали общественные корреспонденты свою колючую газету. Можно долго перечислять подобные факты, но наши активисты не сдавались, это были настоящие герои — достойные граждане своей страны. Несмотря на репрессии, в наш союз вопреки здравому смыслу вступали новые и новые люди. Газеты становилась главным оружием на баррикадах и были очень опасны для организаторов антинародных реформ.

Бедя пришла совсем с другой стороны. Нас перестали печатать. Свобода слова становилась коммерческой свободой: кто больше платил, тот больше говорил. Правда низов оказалась в нашей рыночной экономике ненужной вещью. Газеты отказались от нее. Жизнь простого человека исчезла из всех изданий. Не стало журналистов, которые хорошо знали трудовые отношения, профсоюзную жизнь, социальные проблемы. Почти перестали существовать отделы по работе с письмами. Убрали с газетных полос, с экранов телевизоров жизнь рабочих, пенсионеров, бюджетников. Вместо анализа причин голодовок, пикетов, перекрытия улиц — короткие сообщения. Людей толкают на протестные акции бесправие, нужно с этим разбираться, обсуждать в обществе, но это стало как бы подпольным журналистским промыслом.

Недавно за разглашение государственной тайны арестован фотограф газеты «Пермский обозреватель» Владимир Королев. Он раньше работал в органах и якобы что-то сболтнул. На самом деле Королев снял на видеокамеру разгон митинга в Перми, на телевидении промелькнули кадры избивания старушки, милиционер бил ее головой об «уазик». Война со стариками и оказалась у нас самой главной государственной тайной. Газеты, оглядываясь на коридоры власти, описывают лишь перипетии мира шоу-бизнеса. За это не арестовывают и даже неплохо платят.

«Комсомольская правда» совсем недавно совершила творческий и гражданский подвиг, проведя исследование нашей барачной жизни, опубликовала горячие заметки с одной подмосковной фабрики. Для этого корреспондентка устроилась инкогнито ткачихой, работала вместе с остальными, жила в общежитии. В месяц люди получали по 1000 рублей, отдавая 400 за место в общежитии. Чтобы как-то выжить, ткачихи сдавали за деньги кровь, в отпуск ездили собирать клюкву, потом ее продавали. На эту публикацию газета получила полторы тысячи благодарственных писем от читателей. На предприятии, где газету никто не выписывает, ее как большую ценность заказывали на стороне, передавали друг другу. Вот некоторые отклики.

«Славу богу, КП обратила внимание на реальные проблемы России. Наконец-то появилась статья не о свадьбах олигархов, а о тех, за чей счет они шикают».

«Грустно, когда тебе показывают Россию без гламурного грима. Но это то, чего не хватало».

«Правительству надо хоть изредка читать такие статьи, чтобы стать ближе к народу. А еще лучше — устраивать разгрузочные месячники на таких вот фабриках, чтобы и с крысами, и в душ с тряпочкой, и весь колорит».

А вот отклик из Финляндии, он бьет прямо по нашей государственной идее, по нашей великодержавности.

«Все врагов ищите. Самый главный враг для себя — это вы сами. В какой еще стране люди гноят себе подобных».

Да, действительно, врагов на стороне искать не нужно, мы сами голосуем за депутатов, которые принимают законы, которые действуют против интересов большинства населения, все потому, что железный занавес между Западом и Россией немного приподняли, но опустили его между властью и народом, уничтожили гласность, не дают народу говорить, не слышат его.

Почти сто лет назад итальянский социолог и экономист Гаэтано Моска написал книгу «Мафия». В ней сказано, что мафия там, где власть совершенно непрозрачна для общества, демократические институты декларативны и, скорее всего, имитируют демократию, сама власть малоэффективна. Во власти растет коррупция, а для организованной преступности это питательная среда. Моска писал о другой стране, а такое впечатление, что рассказал о нас.

Наши политики ищут понимание не у западных демократов, а на Востоке, среди авторитарных правителей, там, где человек традиционно раздавлен, унижен, создают союзы с ними.

Если раньше Россия, была одной из самых читающих стран в мире, центральные газеты доходили до самой глубинки, то теперь новостей с большой земли в печатном виде не поступает, прямая связь с ней прекратилась. Большинство населения, как и полагается для бедных стран, смотрит телевизор. Это единственный вид информации, потому что самый доступный. Тут выбора нет, две-три кнопки. Центральные каналы похожи друг на друга как близнецы-братья — что покажут, то и пережевывай. Дурачь народ сколько угодно, никто не помешает этому процессу, лепи из личностей, похожих на тени, президентов, депутатов, делай из них национальных героев. Любовь народа к Путину сейчас догоняет рейтинг Ким Чен Ира и Фиделя Кастро, режимы, где совершенно нет свободы слова. Это ведь тоже следствие информационной политики, у нас не гражданское общество, а заочная конференция телезрителей. В международном рейтинге свободы прессы, составленном «Репортерами без границ», Россия занимает 147 «почетное» место в мире.

По словам генерального секретаря Союза журналистов России Игоря Яковенко, только 2% эфирного времени относится к освещению деятельности оппозиции, а остальные 98% эфира занимает деятельность власти и партии власти, разумеется, в положительном освещении.

О жизни бедноты, о положении наемного работника едва слышно, как будто в стране живут одни министры, депутаты и представители шоу-бизнеса.

Наш президент в ответах иностранным журналистам стал отвечать по принципу: у себя сначала разберитесь. Тут уж действительно никаких дискуссий. Резок президент на экране. Вот, например, обращение к членам правительства: «Если будем годами сопли жевать, тогда ничего не изменим». Это о том, что с убытком для себя экспортируем необработанный лес-кругляк, нет глубокой, технологичной обработки. Сказано правильно, строг хозяин, наводит порядок. Именно таким в сознании народа он и отпечатывается. Но только после грозных слов никто не бросился строить деревообрабатывающие предприятия, о которых говорят уже десятки лет. По-

висли в воздухе и слова, сказанные для народа, об удвоении ВВП, о борьбе с бедностью. Телевидение Путин тоже не забыл: «Государственное телевидение должно быть максимально объективным и свободным». Однако госканалы стали еще более тенденциозными.

Чем образованнее и экономически более развита страна, тем больше люди покупают газет. Но это к нам не относится. У нас 80% населения имеют среднее и высшее образование, но газеты мы стали читать очень редко. По данным ВЦИОМ, с местной прессой регулярно знакомятся лишь 35% россиян, центральной — 18%, еще 25% пробегают глазами только рекламные бесплатные газеты, и 22% вообще никаких газет ни читают. Обходятся без прессы люди бедные. Один экземпляр центральной газеты стоит дороже буханки хлеба — такая информация многим не по карману. Народ отучили читать газеты. Если и появятся в будущем у населения деньги, то его нужно будет заново приучать к чтению. Если в развитых странах на 1000 жителей приходится по 300—600 газет, то в России около 100.

Гендиректор Всемирной газетной ассоциации Тимоти Болдинг сказал про нашу прессу: «Перед распадом СССР в России ежедневно продавалось 120 миллионов газет, сейчас всего 20 млн. Уменьшилось и доверие к ним, они стали инструментом в политических компаниях. Доля государства в СМИ ненормально велика, люди, работающие в такой прессе, вынуждены сдерживать себя, чтобы не потерять работу». Можно добавить, что могут потерять не только работу, но и жизнь. Пример тому убийство Анны Политковской, которая много знала о коррупции во власти, ее боялись, поэтому и убрали.

Особенно охраняются хозяевами тайны предприятий. Они делают все, чтобы боевая пресса не проникла в цеха, к работникам, боятся, что люди узнают, куда уходят зарабатываемые ими деньги, взбунтуются, организуют наподобие отряда самообороны свободный профсоюз.

После статьи в Комсомолке «Как я была девчонкой фабричной», в редакцию пришло тревожное сообщение: «Комендант общежития организовала собрание. Нам сказали, чтобы мы написали опровержение, что Яся написала в статье про наше общежитие и фабрику неправду. На собрание привели журналиста, сказали, что он будет писать опровержение. Яся написала правду, примите меры».

Как помочь этим фабричным людям, они боятся, что правду об их жизни и работе, опять обменяют на ложь. Так оно и будет, эту правду у нас никто не защищает.

В городе Шелехове Иркутской области был задержан литейщик алюминиевого завода Колыванов. Он распространял на предприятии газету, в которой рассказывалось, как защитить свои права. Милиция вместе с охраной предприятия пришли к нему домой, провела обыск, забрали пачку газет, заодно увели «экстремиста» в отделение.

В июне 2006 года к общежитию московского строительного треста «Дон-строй» принесли выпускаемую свободным профсоюзом газету «Рабочая демократия», в ней рассказывалось, куда уходят деньги треста и почему не платят зарплату строителям. Навстречу распространителям, беззащитным девчонкам, выбежали охранники, силой вырвали стопки газет, пригрозили, что если еще раз активисты появятся здесь с газетами, то их вместе с прессой закатают, в бетон.

КРЕМЛЕВСКАЯ ДИЕТА ДЛЯ НАРОДА

В России сейчас много бедных, нищих, большинство из них имеют хорошее образование, семьи, детей, работу. Данные Института социальных исследований Российской академии наук говорят, что в стране 5,7% населения находится в состоянии застойной бедности, бедных числится 23,4%, малообеспеченных, тех, у кого доходы только немного превышают стоимость потребительской корзины, примерно столько же. Выходит, больше половины нашего населения живет в нищете. Счет идет на миллионы, а это ведь не балансовый отчет, а человеческие трагедии. Необходимо понять их проблемы, их боль, а потом уже готовить очередные реформы.

Много россиян балансируют на грани, при падении доходов граждан всего на 10%, число бедных сразу увеличится на 50%. Если ситуация не изменится, необеспеченные люди могут превратиться в люмпенов, лишенных социальных перспектив и окончательно утративших желание заняться чем-то полезным, к такому разрушительному процессу подталкивают наши реформы. Обо всем этом пишут в своем докладе эксперты Всемирного банка. Целый народ разлагается, уничтожает себя изнутри, копеечными на-

циональными проектами его дух не поднимешь, для этого нужно вернуть ему человеческое достоинство, чтобы каждый почувствовал себя гражданином, мог постоять за себя и был убежден, что от его усилий тоже многое зависит.

Не слишком ли много у нас появилось национальных проектов? То участковым врачам на зависть другим зарплату в разы прибавят, потом начинают лучших учителей выбирать, чтобы им гранты выделить. Не жизнь, а сплошные конкурсы! Власть превращается в жюри, которое решает, кому дать, а кому отказать. Как же быть тем, кому отказали? Как быть учителям и детям одной из школ Макаровского района Сахалинской области? Администрация района поменяла ее статус — была средняя, стала начальная. Родители школьников провели у здания администрации области пикет. Представители власти к людям не вышли, диалога не получилось. Тогда 11 матерей начали голодовку, к ним готовы были присоединиться отцы и дети. Это и есть национальный проект по образованию? По всей стране убирают малокомплектные школы, после чего и деревни умирают. Школа здесь больше чем учебное заведение, это очаг культуры, это корни, которые дают жизнь, перспективу.

Самым главным проектом в нашей стране должна стать борьба с нищетой, что вбирает в себя все проекты. Президент обмолвился об этом в 2004 году, а дальше — тишина, словно это была лишь оговорка. Для выполнения этого проекта многое нужно перевернуть, скорректировать, заставить богатых платить налоги, работодателей выплачивать достойную зарплату, элите делиться доходами с народом. Но не хотят трогать вороватый бизнес. Там для власти все свои, переплелись в служебных и родственных связях, поэтому решили набирать очки перед выборами на мелочах. Сделал на копейку, а уж газеты и телевидение растрезвонят на тысячи. Для этого и нужна покорная печать, СМИ, чтобы скрывать одно, зато кричать громко о любой официальной инициативе.

В выходные дни по всем телевизионным программам транслируются кулинарные поединки. В роли новоявленных поваров выступают актеры и звезды шоу-бизнеса. Они закладывают в свои блюда дорогие продукты: красную рыбу, отборное мясо, оливковое масло, ананасы, клубнику, мороженное, взбитые сливки, для аромата добавляют французские вина, готовят на престижной технике, как бы специально дразнят этими обедами бедных людей.

Весной 2006 года Госдума приняла закон о потребительской корзине. Президент, не раздумывая, подписал его. В корзине перечислены товары, на которые может рассчитывать бедняк: несколько пар носков на год, пальто на восемь лет и так далее, но особенно тщательно расписана продовольственная часть, все то, что необходимо для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности.

Хорошо бы члены правительства и депутаты, которые за этот набор голосовали, а это главным образом фракция «Единой России», встали в рамках правительственного часа в Госдуме за кухонные столы и на практике показали, как можно сделать из этого продуктового набора что-то съедобное. Обеспечить завтрак, обед, ужин в отдельности из норм, отпущенных для выживания организма, не получится, скорее всего, придется варить густую похлебку без названия на целый день, а то и на неделю. Вот что отпускается на день: 102 г мяса, немного больше половины яйца, 295 г картофеля, 367 г хлеба, 30 г растительного масла и дальше граммы по списку. Сверхзадача для такого кулинарного поединка заключается в том, что нужно не только приготовить, но и приобрести продукты по чисто символическим ценам. К примеру, мясо около 90 рублей за килограмм, то есть девять рублей на дневную норму. Если повезет, удастся найти что-то подобное, то в нем уж точно половину веса потянет кость. Интересно, к какой части потребительской корзины ее отнести, к продовольственным или промышленным товарам? Короче говоря, на день дается 40 рублей, бери и не в чем себе не отказывай. Все зафиксировано на основании цен 2006 года. В следующие годы поиски дешевых продуктов превратятся в еще большую проблему. В то время как срок действия корзины с обозначенной стоимостью по закону рассчитан на пять лет, инфляция во внимание не принимается, индексации тоже не будет. За семь предыдущих лет существования корзины, если брать в расчет рост цен и другие финансовые потрясения, она должна была подрасти до семь тысяч рублей. Этого не произошло. Ее оставили служить народу с прежними ценовым достоинством. 84 рубля, которые прибавили к ее стоимости в последний момент, можно не принимать во внимание. Было 2565 рубля, стало 2653 рублей. Потребительская корзина — единственная вещь в нашей стране, которая не поддается инфляции.

Про инфляцию разговор особый. Правительство у нас создано не для того, чтобы улучшать жизнь людей, а для того, чтобы экономить, бороться с инфляцией. Каждый год это экономическое МЧС принимает повышенные обязательства по подавлению инфляции, но победить ее никак не может. Выбор инструментов в этой борьбе слишком однообразный: человека пытаются заставить реже ходить в магазин, меньше есть. По мнению наших государственных мужей, только это может спасти нашу экономику от краха. На самом деле борьба с инфляцией, это борьба с ЖКХ, торговцами, включающими в цены взятки и откаты чиновникам и бандитам и неэффективное антимонопольное регулирование.

Цены растут во всем мире, даже у японцев, но еще быстрее растет там экономика, а с ней и реальные доходы населения. В результате инфляция в Японии ноль без всяких палочек. Японские товары известны во всем мире: машины, электроника. Мы же можем похвастаться только нефтью, газом и матрешками. Один за другим закрываются заводы, новых же почти не строят. Еще известны наши достижения в космосе, но это тоже ненадолго.

Мне удалось познакомиться с ведущим программистом, работающим на космос. Он рассчитывает траектории полета спутников, без его подписи даже подъем аппарата на орбиту невозможен. И этот специалист получает за свою работу около 17 тысяч рублей в месяц.

Для чего вообще нужна потребительская корзина? В цивилизованных странах размер потребительской корзины — рубеж безопасности. Если доходы человека не дотягивают до этого уровня, его нужно спасать, выделять субсидии. У нас так не получается. Например, в Красноярском крае 150 тысяч человек получает пенсию ниже прожиточного минимума, да и у многих работающих зарплата не выше этого уровня. А те, кто имеет доход на десятку, сотню рублей больше, разве живут лучше? Программа социальной поддержки людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, действующая в крае, способна помочь не более чем 12 тысячам человек. Тут уж комментарии излишни. И так по всей России.

Бедность у нас не такая, как в развитых странах, можно сказать клиническая, люди просто голодают. В ходе весеннего призыва в армию 40 тысяч призывников получили отсрочки из-за истощения организма в результате недоедания. Хочется вспомнить нашего

непримиримого врага — США, который хочет навязать нам свой образ жизни.

С группой рабочих лидеров меня как-то пригласили американские профсоюзы на стажировку в свою страну. Удалось познакомиться с американскими рабочими и получить информацию, над которой надолго задумался. Семья американцев из трех человек, если готовить обеды дома, а не ходить по ресторанам, может прожить в месяц всего на 450 долларов. Я даже не поверил этому. Куда же они, скупердяи, прячут остальные доллары, ведь доход на человека в месяц у них больше двух тысяч долларов? Просто мы привыкли мыслить другими категориями. У нас на питание уходит до 60 процентов дохода, а в США оказывается всего девять процентов семейного бюджета. Остальные деньги, которые остаются от еды, идут на покупку жилья, обслуживание машины, учебу, отдых и так далее. Это и есть благополучие человека. Если американская семья тратит на питание треть бюджета, то это очень бедная семья. Представляете, наш трудоспособный человек, имея среднюю для России зарплату, примерно десять тысяч рублей, будет тратить на прокорм по американским стандартам 9% от дохода, около 900 рублей в месяц, то есть тридцатку в день. Через неделю, а может две, ему придется распрощаться с работой. Голодные глюки начнутся. В Канаде на питание уходит 11%, да и в странах Восточной Европы, которые нам во всех смыслах ближе, тратят на еду меньше, чем мы. Венгерская семья — 16%, словенцы — 22%, поляки — 29%, украинцы — 45%. Неужели мы такие прожорливые, или извращенные гурманы, привыкли к деликатесам? Все много проще. Наша зарплата почти полностью уходит на скромный обед, без всяких деликатесов. Как говорят, за харч работаем, об улучшении жилищных условий, ипотеке, думать не приходится, поэтому очень трудным для выполнения оказался национальный проект по доступному жилью.

Вернемся к потребительской корзине. В развитых странах на продукты питания в ней отводится всего 15—20%. Но зато каких! В меню шведского бедняка включена отварная лососина, шницели и даже пиво. В нашей потребительской корзине на питание отведено 46%, причем в последний момент отщипнули от обедов 50 рублей в месяц на культуру. Лучше бы не позорились. Всем известно, что за такие копейки никакого «кина» не будет. В Великобритании

среди товаров первой необходимости в потребительскую корзину включена мебель, электроприборы, выделены деньги для организации путешествий, отдыха и даже корм для домашних животных. В США стоимость потребительской корзины — 700 долларов, бедняку хватает на продукты, товары и услуги, даже на бензин.

После принятия новой потребительской корзины депутаты Госдумы и чиновники наперебой стали расхваливать себя, как будто они совершили подвиг, добавили более качественные и калорийные продукты: мясо, фрукты и тому подобное. Человек, получающий сведения исключительно от государственных телеканалов, может и вправду подумает, что о людях стали больше заботиться, мяса лишнего вот подкинули. Но что можно добавить при тех же деньгах и постоянно растущих ценах? Все очень просто, убрали из набора одну картофелину, кусок хлеба и немного макарон, за счет этого в дневной норме мяса вместо 85 г стало 102 г и так по всему списку — увеличивали одно за счет уменьшения другого. Целые институты и министерские отделы трудились на благо бедноты.

Затем, отталкиваясь от федеральной корзины, начали сочинять свои рецепты для бедных региональные управления.

В Волгоградской области, крае дешевых овощей, определили в разгар сезона для трудоспособного человека аж 1,8 кг свежих помидоров и огурцов. На самом деле, по данным Всероссийского центра уровня жизни, бедняки формируют свою корзину совсем иначе. В первом квартале 2006 года 43% ее стоимости отоварили хлебом, 20% отдали за молоко, остальные копейки — на что получится. Фантазии государственных деятелей не потребовались, не до разнообразия и витаминов, выжить бы людям.

Зачем расписывать виртуальное меню, зачем весь этот спектакль? Если появляются режиссеры, значит кому-то это нужно. На заседании правительства летом 2004 года главный «диетолог» страны Михаил Зурабов сказал, что если не пересматривать стоимость потребительской корзины, то количество бедных к 2007 году можно сократить наполовину. После этих слов принятие закона о стоимости и содержании новой потребительской корзины в срочном порядке, отодвинули на два года. Если потребительскую корзину ограничить одной водой и хлебом, чем и определять уровень бедности, то некому в тогда будет выплачивать субсидии, все окажутся состоятельными.

Говорят, что у нас два государства: для бедных и для богатых. Но оказывается, появилась еще одна страна — виртуальная. Уровень жизни населения и доходы измеряют у нас средней зарплатой, это почти как средняя температура по больнице. Власть с гордостью рапортует, что этот показатель повышается с каждым годом.

Электромонтер одного из нижегородских молокозаводов Леонид Горбунов создал свой сайт «Виртуальный профсоюз», где разместил данные об окладах руководителей, взятые им из взломанной компьютерной сети предприятия. Финансовый директор получал 700 тысяч рублей в месяц, исполнительный — 500 тысяч, а директор производства — 400 тысяч. Заработок Горбунова, не последнего специалиста, не превышал шести тысяч.

По заключению независимых экспертов зарплата наших менеджеров, руководителей предприятий в 25 раз выше зарплаты рядовых работников. Скорее всего, эта разница достигает еще более внушительных размеров: доходы бедных у всех на виду, а богатые свои прячут. Кстати, в странах Запада эта разница гораздо меньше. Так, наши топ-менеджеры получают в среднем, за вычетом налогов, 77 тысяч евро в год, а их шведские коллеги — 38 тысяч евро.

Инфляцию у нас тоже искусственно подгоняют под нужные цифры. Доктор физико-математических наук из Дубны Лев Зайцев доказывает, что в нашей стране должна быть еще социальная инфляция, рассчитанная для минимального набора товаров и услуг, потребляемых бедняками, а это приблизительно 31 позиция, тогда как сейчас она рассчитывается из цен набора товаров и продуктов 400 наименований. Надо сказать, что Зайцев ничего не выдумал, нечто подобное было в начале реформ Гайдара. Социальная инфляция, по расчетам Зайцева, за три месяца 2006 года составила 19,1 %, Росстат же насчитал всего пять процентов. Зайцев написал об этом письмо первому вице-премьеру Дмитрию Медведеву. Ответ пришел из Минэкономразвития: Вы, мол, господин Зайцев, глубоко заблуждаетесь, не знаете, как живут бедные в нашей стране. Кроме продуктов питания, услуг ЖКХ и транспорта, они покупают обувь, телеаппаратуру и предметы для отдыха и развлечений.

Представители виртуальной страны не дают посторонним вмешиваться в свои игры, стремятся представить жизнь лучше, чем она есть, нарабатывают для дезинформированного населения оптимистичные лозунги перед большими выборами. Вот и министру

финансов Александру Кудрину надоели реальные цифры, и стал он фантазировать и заявил на весь мир, что через десять лет Россия догонит по экономическим показателям Америку, наверно, тогда и стоимость нашей потребительской корзины поднимется до 700 долларов, больше чем в семь раз. Вот это завернул!

В Венгрии до поры до времени тоже приукрашивали положение дел в экономике. «Мы ввали — по утрам, вечерам и ночам», — признался премьер Венгрии Ференц Дюрчань. Приукрашали положение дел в экономике только для того, чтобы партия, находящаяся у власти, еще раз выиграла выборы. Как только эти слова стали предметом гласности, десятки тысяч человек вышли на улицы с будильниками, чтобы разбудить народ. У нас для такого мероприятия, видно, не хватает будильников.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРИЕМНАЯ

Народ оказался совершенно беззащитным, не знает, как защитить себя от различных мошенников, а в основном от чиновников. Людям не знакома судебная казуистика. Раньше обходились жалобами в райком, в газету. Сейчас нужно идти в суд, правильно написать исковое заявление, жалобу. Самостоятельно это не получается. На адвокатские услуги малообеспеченным слоям населения рассчитывать не приходится. За час работы адвокаты берут столько, сколько обыкновенный человек зарабатывает за месяц. Только примерно семь процентов, то есть самая богатая часть населения страны, способна оплачивать их услуги. Неудивительно, что многие бандитские авторитеты, люди, крупные экономические аферисты оказываются недостижимыми для закона. За их спиной — профессиональная правовая защита. Остальное население брошено на откуп судам, милиции, прокуратуре.

Остается один выход: строчить жалобы в Кремль — может быть, услышат. Люди через головы чиновников, как «малявы» из тюремной камеры, посылают жалобы президенту, жалуются в основном на самоуправство местной власти, которую вслепую им всучили на выборах. Вот одно из посланий из бурятского поселка Северомуйск: «В центральной котельной нашего населенного пункта нет даже угля. По этой причине в дома и социальные объекты не подается тепло, хотя в горах уже выпал снег».

Можно ли представить, что жители какого-нибудь поселка на Аляске пишут своему президенту: «Дорогой Джордж, у нас не работает котельная»? А наши граждане с последней надеждой пишут главе государства. Сам он писем не читает. Для этих целей при администрации создана читальня — управление по обращению граждан. Жалобы изучают и отправляют на места для принятия окончательного решения тем, кто не завез уголь, кто виноват в нарушениях. Вряд ли чиновник, который хоть тысячу раз будет виноват, станет сам себя наказывать — это противоестественно. Так что письма в Кремль редко приносят положительный результат.

Во время последнего телеобщения президента с народом жители мятежной Кондопоги пожаловались на то, что местная власть слаба и безответственна. В ответ президент заявил, что сам никак не может связаться с главой Карелии. Вот вам и вертикаль власти! Если нельзя отловить в нужную минуту чиновника такого ранга, то в каких углах искать служивых статусом поменьше, как привлечь их к ответственности? Путин сказал, что должна быть создана обстановка общественной нетерпимости, этим должно, по его мнению, занимать гражданское общество и свободная пресса. Как раз эти составляющие нашего общества в последние годы почти полностью уничтожены, вряд ли президент об этом не знает.

Долгое время я руководил общественной приемной Московской Хельсинкской группы. За год приемная принимала около четырех тысяч человек, примерно столько было и писем. За помощью к нам ехали со всей России. На конкурсной основе для работы приемной нам был выделен грант фонда Форда.

На его деньги мы закупили оргтехнику, оплачивали аренду подвала, в которой работала приемная, и даже вели борьбу с крысами. Только с помощью этого фонда мы смогли бесплатно оказывать юридическую помощь малоимущим вплоть до защиты их в суде. В большинстве своем сотрудники приемной завершали дела в пользу наших клиентов. Вот один из таких случаев.

Пожилую женщину мошенники умудрились выгнать из собственной квартиры. Над ней долго издевались, избивали, заставляли подписывать различные документы. Два года она скиталась по чужим углам, обращалась в суд, к платным адвокатам, но те были слишком безразличны и дело проигрывали. Совершенно разувшись в существовании справедливости, бездомная обратилась

в нашу приемную. За дело взялись молодые юристы. Судья с упорством, достойным лучшего применения, пыталась не допустить наших сотрудников к судебному разбирательству, но они, хорошо зная процессуальные нормы, поставили судью на место и выиграли дело. Когда зачитывалось решение суда, до сознания женщины стало доходить, что после длительной волокиты дело разрешилось в ее пользу, нервы у нее не выдержали, она упала в обморок. Придя в себя, прямо в центре зала опустилась на колени перед нашими юристами. Эта благодарность была дороже всяких гонораров.

В нашей приемной работали в основном студенты старших курсов юридических факультетов, работали бесплатно, но зато получали хорошую адвокатскую практику. Мы создали самоуправляемую молодежную республику, нравственными принципами которой было уважение к человеку, к его правам. Для многих наших клиентов приемная становилась вторым домом, они приходили даже просто так, чтобы посидеть рядом, успокоиться от жизненных передряг. Окрестные бабушки несли нам домашние пироги, салаты, угощали нас. Мы занимались богоугодным делом, и они уважали нас за это.

Студенты заканчивали институты, устраивались на работу, но не покидали коллектив. Кроме студентов, в приемной в последнее время работали в качестве волонтеров 11 молодых дипломированных юристов. В свободное время, в выходные они приходили в наш подвал и вместе со всеми занимались правозащитной деятельностью, брали шефство над младшими, консультировали их.

Потоком шли к нам посетители, неся с собой килограммы бесполезной переписки. Приходилось разочаровывать их, учить защищать себя по более цивилизованным правилам. Дела были запущенные, простых решений не существовало. Человек появлялся в приемной раз, два. Ходил месяц, год. Ему составляли иски, жалобы, ходатайства, предоставлялась бесплатная защита в суде. У посетителей не всегда был джентльменский вид, не отличались люди хорошими манерами. Были и бомжи, и психически нездоровые. Большинство посетителей приходило к нам в возбужденном состоянии. Но это ведь наши граждане, наш измученный народ. Приходилось учиться его слушать, набираться терпения, гасить страсти, отпаивать человека чаем. Людей приводила к нам нужда, горе, они ждали от нас помощи.

Создана Общественная палата. В нее вошли более-менее известные люди, и многие не знают, чем заняться, потому что не способны общаться с простыми людьми, вникать в человеческую боль, не на словах, а на деле помогать человеку. Один раз палата выстрелила. Кучерена взялся защищать жителей Южного Бутово. А потом опять — тишина. На одном из заседаний палата решала, нужна ли в их структуре общественная приемная? Архитектор Глазычев заявил: «Мы рискуем захлебнуться в людском потоке». — «Люди хотят встречаться, обратная связь должна быть непременно», — возразила Александра Очирова — главная по социальной политике. Но Глазычева поддержал политолог Мигранян: «Это будет место, куда придут все городские сумасшедшие». «Я плохо представляю, чтобы кто-то из вас вел прием», — сказала директор Института проблем гражданского общества Мария Слободская. «А мне уже пришлось более 500 писем, я не знаю, как мне работать», — откликнулся адвокат Анатолий Кучерена.

Да, без душевнобольных не обойтись. По всем правилам военного искусства они осаждали и нашу приемную. Еще раз хочу напомнить членам Общественной палаты: это наши сограждане, куда же еще идти? От наших реформ любой может рехнуться. Разве можно отказаться от этих людей? У них много проблем в нашем неустроенном обществе. Некоторых родственники старались упечь в психушки, чтобы воспользоваться принадлежащей им жилой площадью. Мы судились, списывались с диспансерами, органами опеки, отделениями милиции, прокуратурой, устанавливали дееспособность своих клиентов. Многие из них оказывались вполне здоровы, их искусственно превращали в дурачков.

В процессе работы общественной приемной приходилось сотрудничать не только с судами, прокуратурой, приходилось открывать множество других дверей: судебная экспертиза, комитет опеки, милиция, органы исполнительной власти, различные министерства, депутаты и так далее. Разве мог человек самостоятельно, без нашей помощи, пройти все эти дороги и перекрестки?

Из текстильного городка во Владимирской области приехала девушка. Фабрика взяла целую группу детдомовцев для обучения в своем ПТУ, поселили их в общежитие, а потом фабрика обанкротилась. Девушка стала искать работу на стороне, и ее выбросили из общежития буквально на улицу как не работающую на пред-

приятии. Мы написали обстоятельное письмо мэру городка и предупредили, что случай с детдомовцами взяли под свой контроль. По закону им положена жилплощадь, и мы будем этого добиваться через официальные организации. После этого пострадавшую сразу поставили на сверхгорячую очередь на квартиру, а пока предоставили ей временное жилье. А ведь накануне в той же мэрии ей отказали наотрез.

Под Москвой стали выживать из домов военного городка «неполноценные» семьи. Отец, муж, военнослужащий, ушел из дома, а его бывшую жену и детей выселяют со служебной площади. Отключали свет, тепло — и все это происходило зимой. Наше обращение к командованию округа сыграло свою роль. Приехал представитель части, стал оправдываться. В результате оставили в покое нестроевые семьи, сохранили за ними жилье.

Можно до бесконечности рассказывать о проблемах наших клиентов. Они несли к нам свое горе, его было очень много. Мы задались вопросом: откуда они о нас узнают? Ввели процедуру знакомства, обязательное заполнение посетителями анкет. Выяснилось, что многие узнавали о нас из газет, радио, телевидения, различных справочников, телефона «Доверия», но самое главное — это народная молва. Узнал от сотрудника, от знакомых, в очереди в больнице, в Генеральной прокуратуре, в Верховном суде. Была даже такая запись: подсказали адрес в церкви. Многим посетителям мы помогли, они посылали к нам друзей, знакомых — включилась народная эстафета.

В рамках приемной мы создали свой аналитический и редакционный отделы. На конкретных делах стали вести мониторинг законодательства, находили его болевые точки, вступали по этому поводу в контакты с депутатами Госдумы, а через СМИ вели просветительскую работу. Кроме приема граждан, каждый молодой юрист имел дополнительные нагрузки и обязательно по правовым вопросам должен был выступать в газетах, развивать свое мышление.

Помогая посетителям, молодые юристы становились одновременно и психологами, и политиками. Приходили к нам обозленные на власть, на установившиеся порядки, разуверившиеся во всем и всех люди. Приходилось говорить с ними не только о законах, но и о ситуации в стране, подсказывать, как ориентироваться в ны-

нешней жизни, выстраивать для них примерную линию поведения, вселять хоть капельку надежды, чуточку оптимизма. Как хотелось бы, чтобы к строительству новой страны подключались не только деньги, гонорары, а душа, вот такая человеческая взаимопомощь!

Для молодых, особенно для юристов, очень важно породниться с этими необеспеченными людьми, незащищенными от произвола властей, криминала, постараться увидеть мир с их жизненной позиции. Только так можно узнать тайны настоящего, а не придуманного политиками народа. В Шри-Ланке студентов юридических факультетов отправляют летом в лагерь, в удаленные деревни, где царствует нищета. Пока студенты не разделят хлеб с этими людьми, их не допускают к защите диплома. Неплохо бы и нам перенять такой опыт, а то наши институты выпускают барчуков, эгоистов, которые не знают, как живет народ в провинции, за окраиной города, откровенно призирают людей неблагополучных, считая их неудачниками. Да и членам Общественной палаты не мешало бы пройти стажировку, пожить в глухомани, получив для этого командировочные не более нашего прожиточного уровня.

К сожалению, защита прав обездоленного человека у нас, очевидно, считается антигосударственной деятельностью, поэтому, во избежание «оранжевых» революций, решили затруднить деятельность зарубежных благотворительных фондов. Сами не защищаем права человека и другим не даем. Кончился грант — закрыли приемную. Не стало возможности оплачивать аренду подвала, телефона, покупать канцтовары и прочее. А тысячам малоимущих некуда теперь обратиться. До сих пор бывшие клиенты находят меня по домашнему телефону, не верят, что нашей приемной больше не существует.

Активистам свободных профсоюзов и правозащитных организаций приходится платить разорительную арендную плату, чтобы создать приемную для защиты малоимущих слоев населения.

Такие приемные содержат общественные организации за свой счет во Владивостоке, Архангельске, Оренбурге, Череповце, Воронеже и других городах. Почему, например, права детдомовцев, которые в нарушение закона оказались без жилья, должен защищать свободный профсоюз, а не прокурор, как это происходит в Омске?

В общежитии строительного треста поселили девчушек, бывших детдомовцев, они работают малярами, штукатурами. Одна

из них, Наташа Савватеева, родила ребенка. Ее с мужем, тоже детдомовцем, выгоняют из общежития, так как жить с детьми в этой богодельне не положено. Наташа написала письмо губернатору — пришла отписка. Хотела попасть на прием к мэру — отказали.

От государства, которое строит управляемую демократию, а вернее авторитарный режим, помощи ждать не приходится.

В Пензе городская власть отняла помещение у общественной приемной, но правозащитники стали вести прием населения на улице, прямо у парадного крыльца городской администрации. И люди идут за помощью в эту приемную под открытым небом, а куда им еще обратиться?

Недавно в газете я увидел объявление, что «Единая Россия» открывает общественную приемную. Будут помогать добиваться выплат алиментов недобросовестными отцами и решать прочие незначительные бытовые проблемы. Дело, конечно, нужное, но по опыту работы в общественной приемной я убедился, что наши люди в основном судятся с государством — процентов 60 исков. Этими делами юристы «Единой России» заниматься не хотят, потому что сами представляют власть во всех ее измерениях.

Вот, например, дело пенсионерки из Перми Анастасии Баженовой, которая требует перерасчета пенсии. Ей как работавшей на особо вредном производстве положено повышенное пособие по старости. Положено, но не дают. Она девять раз обращалась в администрацию президента России, ответа не получила. Было: три безответных письма к губернатору Пермской области, в Министерство социальной защиты, управление по правам человека, 21 иск и жалобы в суды разных инстанций. 49 раз в общей сумме обращалась пенсионерка в различные инстанции, а дело так и не решено!

В нашу общественную приемную приходили люди, понесшие материальный и моральный ущерб именно по вине государства. Это невыплаты заработной платы, пенсий, детских пособий, долги военнослужащим. Одним только чернобыльцам государство должно примерно 1 700 000 000 рублей.

На заседании правительства в 2004 году министр финансов Алексей Кудрин сказал, что накопилось множество вступивших в силу судебных решений к государству на общую сумму почти шесть миллиардов рублей.

Только у нашей доблестной милиции граждане выиграли 42 тысячи дел на 1,4 миллиарда рублей, очевидно, эта расплата за незаконные аресты, побои в камерах и прочее. Военные накопили долги по «боевым», различным компенсациям и пенсиям, они не исполнили 9300 судебных решений на сумму почти в 800 миллионов рублей.

После выступления Кудрина долг по гражданским искам не уменьшается, а только растет. Приставы не имеют права заморозить счета бюджетной организации. Получив решение суда о выплате задолженности, например пенсионеру, они передают его ответчику в лице Минфина. Ответчик не платит, потому что в бюджет эти суммы не заложены. 40% жалоб, принятых от россиян к рассмотрению Европейским судом по правам человека, касаются неисполнения судебных решений государством или его органами.

Скоро нас отучат жаловаться Европе. Не потому, что наше правосудие стало образцовым, а из-за ликвидации Центра содействия международной защиты, который помогал грамотно составить жалобу и сопровождал жалобы в Страсбурге. Центр обвиняют в неуплате налога на прибыль в размере 4 584 826 рублей 27 копеек. Полный абсурд! Какая прибыль может быть у организации, помогающей бесплатно людям и живущей на зарубежные гранты. Логика нет, но закрыть нужно, иначе не спасти Россию от позора — она стала лидером по жалобам в Европу. Только в 2005 году их было восемь тысяч, и поток растет.

Несмотря на огромный стабилизационный фонд, граждане могут за долги уже начинать процедуру банкротства своего государства.

Власть — это прежде всего чиновники, и каждый на своем месте делает что-то не соответствующее закону. Как считает председатель думского комитета по законодательству Павел Крашенинников, многие чиновники не научились уважать закон. При чем здесь уважение? Все гораздо проще. Служивые в открытую оптом и в розницу торгуют законами. Если оставлять этих людей у кормушки, то нужно бы создать еще один национальный проект — Фонд материальной защиты граждан от нерадивых чиновников. И оплачивать из этого фонда судебные иски к государству. Может быть, тогда Европейский суд смог бы передохнуть от нашего правового произвола.

БЕСПРАВНЫЕ ОБЩАГИ

Бесправность народа хорошо видна по положению обитателей сегодняшних общежитий. Такие дома были визитной карточкой бывшей нашей страны, через них прошли почти все квалифицированные кадры Союза. В чистом поле, вдали от дорог и населенных пунктов в один миг рождались предприятия, вокруг них поднимались поселки, города и в первую очередь бараки, общежития. Старым индустриальным центрам тоже постоянно требовалась подпитка молодой кровью. Ею служили так называемые лимитчики, их нужно было устраивать на койко-место. Жильцами общежитий становились молодые специалисты, которые приезжали по распределению после окончания учебных заведений. Миграция населения была постоянной, и общежития давали возможность облечь ее в более-менее цивилизованную, гуманную форму.

Таков был Советский Союз. Без общежитий ему никак нельзя было обойтись. Для многих они стали частью биографии, и не слишком плохой. Это был конвейер. Один получал квартиру, другой сменял его в комнате — все на шаг продвигались вперед. Живая очередь. Когда начались реформы, то под крышами общаг жили миллионы россиян, целые фабричные и заводские поселки, но конвейер на полном ходу остановился. Жилье больше не стали выделять, а общежития незаконно приватизировали, потом перепродали их вместе с жильцами различного рода мошенникам, те создали из них заведения, похожие на гетто.

Жильцы живут теперь как в норах, другого жилья нет.

Возьмем, к примеру, общежитие омского завода имени Борцов революции. Окна в здании на всех лестничных площадках забиты картоном, освещение на этажах отсутствует, жильцы добираются до своих квартир на ощупь. Оплата за коммунальные услуги здесь не поддается никаким расчетам и объяснениям, переводится на какие-то таинственные счета. Люди просят о помощи, пишут во все инстанции. И лучше, если в ответ пришлют отписку, бывает, что на бланках неких организаций приходят издевательские послания. Приведу в авторском виде один из таких ответов на жалобу в правоохранительные органы, которую, недолго думая, переслали хозяйке общежития, а она отписала жалобщику сразу от лица всех ветвей власти.

«Многоуважаемый г-н Щипицин В. Н и уважаемая Щипицина С. А. на Ваше заявление сообщаем следующее.

В рамках дела, рассматриваемых судами в 2005 году в связи с исками ООО «Компания «ЖилБытКом» к Вам и Вашей супруге было определено, что Вы занимаете помещение в Общежитии, расположенном по адресу: Пермь, Таборская, 20. Никакой кодекс не обсуждает прав, возникающих относительно нежилых помещений, каковой и является занимаемая Вами комната.

Согласитесь, что суды Вами проиграны («большие», и первый, и второй)

АН ООО «Виктория» вправе сдать пару-тройку койко-мест в занимаемой Вами комнате социально незащищенным гражданам, или бывшим заключенным, или лицам без определенного места жительства, или лицам больным СПИДом, или другими тяжелыми опасными венерическими заболеваниями, или туберкулезом. У Вас, вероятно, останется только прекрасная возможность обращаться к общественности с жалобами на ненавидимый Вами капитализм.

Всяческих успехов Вам, Владимир Николаевич, в Вашей умственной деятельности! Особенно хочу пожелать Вам успехов в укреплении Вашей психологической устойчивости.

Ну и, конечно же, здоровья — не болейте ни птичьим гриппом, ни СПИДом, ни туберкулезом, ни сифилисом.

С уважением, исполняющая обязанности Генерального директора ООО «2С» И. Попова, 23. 03. 06 г.»

Власть разрабатывает красивые программы по возвращению соотечественников на постоянное место жительства в Россию, обещающая выплатить подъемные, помочь с приобретением жилья. И в то же время гноит в общежитиях миллионы граждан. Людям впору просить политического убежища в третьих странах. На фоне этого программу по приглашению соотечественников даже цинизмом нельзя назвать, это какое-то политическое изуверство.

Не напрасно теперешние хозяева пермского общежития на Таборской улице так ненавидят Щипицына. Он все хочет докопаться до истины, почему люди оказались в таком бесправном положении. Пишет жалобы, подает вместе с другими жильцами иски в суд.

Истина, оказывается, лежит на поверхности. В несчастьях этих людей виновато само государство, но не хочет этого признавать.

Областная прокуратура установила, что в октябре 1992 года комитет по управлению имуществом утвердил план приватизации АООТ «Пермское проектно-строительное управление». При этом в уставной капитал акционерного общества в нарушение статьи 2 Закона РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» РСФСР и Закона РФ «Об основах федеральной жилищной политики» были включены три общежития: ул. Коспашская, 13, ул. Леонова, 43а, ул. Таборская, 20. Общежития были приватизированы как бытовые, административные здания. Произошла фальсификация, подделка документов, а это уже уголовное преступление, за которое нужно не только отнимать приобретенную таким способом собственность, но и сажать в тюрьму тех, кто проворачивал подобные дела, кто этому способствовал.

Суды Перми, как и везде по стране, отказали жильцам общежитий в исках о незаконности приватизации, ссылаясь на истечение срока давности — со дня сделки прошло более десяти лет. Заодно в судах разъяснили неразумным жалобщикам, что обращаться в суд по поводу незаконной приватизации они не имеют права. Это может сделать только прокуратура или органы местной исполнительной власти.

Подавать иск о незаконности приватизаций общежитий должны были департаменты имущественных отношений, которые сами и разрешали приватизировать общежития под видом культурно-бытовых и административных зданий, как бы не заселенных людьми. Вот и тянули эти государственные конторы время, ждали, пока пройдет десять лет, а потом с чистой совестью заявляли, что срок истек, время ответственности закончилось.

В этом вопросе им, как ни печально, помогает прокуратура. В Пермской области в переписке с жильцами одного из общежитий, она раз и навсегда ставит точку в этом разбирательстве: «Каких-либо нарушений законодательства при оформлении права собственности ОАО «Автоколонна 1221» на общежитие по ул. Пушкина, 110, в ходе проверки не выявлено».

Департаменты имущественных отношений являются не конторой «Рога и копыта», не частной компанией «МММ», а представляют государство. Выходит, что государство, вместо того чтобы защищать людей, их обманывает, давая возможность распоряжаться их судьбами каким-то проходимцам. Жильцов лишили права

подавать голос в свою защиту. Эти беззащитные люди — граждане великой России. И они должны этим гордиться?

В конце концов АОН «Пермское проектно-строительное объединение» обанкротилось, и общежитие было продано Ю. А. Нацаренус, а это частное лицо внесло его в уставной капитал ОАО «ЖилБытКом». Как выяснил Пермский областной суд, общежитие продавалось в рамках исполнительного производства, «без обременения», то есть не говорилось, что в этом доме живут люди, и было продано тайно, без торгов и по заниженной цене.

Жильцы обратились по этому поводу в прокуратуру и получили новый вердикт: прокурор вправе обратиться в арбитражный суд с иском о признании совершенной сделки юридическим лицом недействительной, если есть доля государственной и муниципальной собственности. Таковой в данном случае не оказалось, следовательно, прокуратура оспорить сделку не может. Но в Законе «Об основах федеральной жилищной политики» в статье 19 части 3 четко говорится, что запрещается продажа заселенных домов государственного и общественного жилищного фонда без согласия проживающих в них совершеннолетних граждан. Жильцы общежитий не давали согласия на продажу себя вместе с домами, поэтому прокуратура вполне могла оспорить эту сделку на этом основании. Могла, но не захотела, не царское это дело.

Новый собственник ввел в общежития вневедомственную охрану с наручниками и дубинками. Жильцов заставили оформлять пропуска. При постоянной прописке пропуска выдаются на десять дней, при временной — на срок гораздо меньший, и их постоянно нужно продлевать.

Жильцов принуждают заключать краткосрочные коммерческие договора найма жилого помещения. Причем сразу в два раза были повышены цены на коммунальные услуги. Собственник старается создать атмосферу страха, нервного напряжения, откровенно шантажируя людей, надеясь, что они не выдержат и добровольно сдадут свои комнаты. Жильцы регулярно получают уведомления о выселении, об этом же предупреждают развешенные при входе объявления. Из окна четвертого этажа без всякого суда и следствия были выброшены вещи одного из жильцов. Не выдаются извещения по оплате коммунальных услуг, тем самым жильцы специально делаются должниками, чтобы иметь основание для их выселе-

ния через суд. В судах уже находится большое количество исков о выселении без предоставления нового жилья.

Разве не должно государство заступиться за Щипицина, за остальных граждан, спасая их от морального унижения и почти физического уничтожения? Самым логичным разрешением проблемы с общежитиями стал бы обязательный их перевод в муниципальную собственность. Государственные органы допустили в отношении жильцов общежитий беззаконие, всевозможные фальсификации, но повернуть дело обратно нельзя — для захватчиков собственности ввели амнистию. Чтобы не нарушить закон и спасти людей, государство должно выкупить общежития. Ведь выкупили у Абрамовича за 14 с половиной миллиардов долларов несправедно нажитую «Сибнефть».

Государство добросовестно платит долги СССР зарубежным банкам, боясь пропустить сроки погашения, выплачивает даже с опережением графика. Если как следует нажать на наше правительство, то ради международного престижа, оно готово будет заплатить по долгам Николая Второго. Быть добросовестным на таком уровне почетно, а отдавать долги своим старикам, детям, инвалидам по обязательствам прежней власти для наших политических джентльменов слишком буднично, даже оскорбительно.

Общежития сначала приватизировали, а потом стали продавать по бросовым ценам вместе с жильцами, как скоропортящийся товар. В Санкт-Петербурге многоэтажное общежитие, расположенное по адресу: Московский проспект, д. 140, мясокомбинат продал вместе с людьми ООО «Ужба» за 700 тысяч рублей. Это меньше, чем рыночная цена комнаты в коммунальной квартире. Пятиэтажное общежитие Химлесхоза в Усть-Илимске продано вообще за 600 тысяч рублей. В Омске девятиэтажное общежитие фирмы «Сибшерсть» продали вместе с людьми за миллион с небольшим рублей. В Тольятти обанкроченный электротехнический завод решил продавать общежитие не оптом, а в розницу. Дали объявление в газете, что по бросовым ценам продаются квартиры, забыв предупредить, что в них проживают люди.

По закону за людьми обязаны были закрепить права на жилплощадь, но законы у нас написаны так нечетко, что мошенники сразу находят в них желаемое — черные дыры. Как говорит депутат Государственной думы Галина Хованская, в законе нужно было опре-

делить окончательный срок, до которого жилье такого типа должно перейти в муниципальное управление, а согласно нынешнему законодательству передачей можно заниматься бесконечно.

Две недели голодали жильцы общежития «Уралтрансмаша» в Екатеринбурге. Они требовали, чтобы общежитие перешло в муниципальную собственность, а им дали возможность оформить на комнаты, в которых они живут уже по 20 лет, договора социального найма, или приватизировать их. Это общежитие должно было передано муниципалитету еще в 2004 году, но администрация предприятия никак не хочет расставаться с ним. Только после того как к голодающим зачастила скорая помощь, на предприятии создали комиссию по этому вопросу.

Галина Хованская еще 18 марта 2005 года внесла поправки к Жилищному кодексу, которые могли бы устранить многие противоречия в правах жильцов общежитий, но Думе недосуг, она полгода принимала очень важный закон: на каком углу можно людям распивать пиво. Тем временем общероссийский террор в общежитиях продолжается.

В московском общежитии на Аминьевском шоссе, д. 13, принадлежащем «Моспромстрою», даже с близких родственников, если они заглянули в гости, требуют оплаты по 350 рублей в сутки.

В г. Пушкине в Ленинградской области в общежитии по улице Конюшенная, д. 36, принадлежащем ООО «Компании Форус», жильцы получили уведомление о выселении со строгим предупреждением: если они не освободят занимаемые комнаты, то все вещи будут выкинуты на улицу, двери заблокируют, а за хранение мебели будут взимать арендную плату. Потом отключили электроэнергию (общежитие оснащено электроплитами), горячую и холодную воду.

Пока жильцы общежития Судостроительного завода в Ярославле были на работе, их вещи вынесли к подъезду, потом фактически конфисковали. Шла передача здания новому хозяину, и охрана никого не впускала. Люди пробрались в комнаты через черный вход. Все было разгромлено. Одна из потерпевших сказала: «65 лет назад была война, но эти руины намного хуже тех, тогда были иноземцы, сейчас уничтожают нас соотечественники».

Драматичные события разыгрались в Москве на Ясном проезде. Жильцы получили повестки в суд по выселению из общежития.

Получила ее и Ангелина Алексанян из квартиры 29. В суд она не явилась, так как ей шел всего четвертый месяц. Повестки получили еще около десятка детей от двух лет и старше. Зачистку проводил новый хозяин общежития.

В 2004 году прежний собственник, руководство фабрики «Смена», подписал соглашение о передаче дома Главному управлению исполнения наказаний.

Каково же было удивление тюремных надзирателей, когда они пришли в подаренный им дом и обнаружили там жильцов. Не бомжей, а законопослушных москвичей с пропиской. На новом объекте надзиратели стали действовать согласно внутренних инструкций. Попытались устроить для проживающих отбой в 22 часов и утреннюю перекличку. Активистов, чтобы не баламутили народ, обещали посадить в камеры. Начались задержания жильцов, облавы, ночные допросы с требованием подписать документы о добровольном выселении. Установили у входных дверей пост спецназа, выдали пропуска. Если ребенок забыл пропуск, в дом его не пускали.

Драма же в том, что война против граждан шла под вывеской Министерства юстиции России — Главное управление исполнения наказаний одно из его ведомств. Стоит ли после этого удивляться, почему у нас так плохо обстоят дела с защитой прав человека?

Миллионы граждан, проживающих в общежитиях, сейчас поняли, что только в борьбе могут отстоять свои права.

Ирина Бергалиева, проживающая в общежитии фабрики «Смена», тоже не отличалась активностью. До тех пор пока ее дочь Юлию не остановил у входной двери омоновец и не потребовал пропуск Минюста. Девочка сказала, что идет не в министерство, а домой. Охранник в ответ грубо оттолкнул Юлю от двери. С этого момента Ирина поняла, что отступать больше некуда. Она возглавила комитет сопротивления в своем доме, стала участвовать в объединении жильцов общежитий России. Благодаря ее энтузиазму жильцы общежития фабрики «Смена» достигли первой победы: Высший арбитражный суд отменил решение о передаче общежития.

ЛИШНИЕ ЛЮДИ

Наша экономика все больше скатывается в яму. Много говорят об инвестициях, о снижении налогов для бизнеса, и никто не хо-

чет признавать, что у нас нет настоящих предпринимателей, не с кем договариваться, некому пока доверять. Сотрудничество с таким бизнесом укладывается в содержание старого анекдота: «Чтобы ты стал делать, если бы стал царем? Украл бы казну и сбежал». Все оказались временными управляющими — попользовались, взяли что могли и ведут предпродажную подготовку заводов и фабрик или того, что от них осталось. Единственное, что смогли сделать эти люди, так это изобрести различные схемы по уходу от налогов.

На приватизированных заводах и фабриках работают станки, собранные еще в хрущевско-брежневские времена, средства производства выбывают из строя в десять раз быстрее, чем обновляются. Выпуск продукции катастрофически падает. По сравнению с 1990 годом тракторов стали выпускать в 22 раз меньше, экскаваторов — в 6,5 раз, часов — в 16 раз, швейных машин — в 55 раз, пальто — в 17 раз и так далее. Как сказал в своем манифесте, прочитанном перед активистами партии «Единая Россия», заместитель руководителя администрации президента Владислав Сурков: «Мы живем на наследство, доставшее нам от Советского Союза. Пока мало что сделали сами. Наши железные дороги, наши трубопроводы, наше жилищно-коммунальное хозяйство, наши заводы, наши ядерные силы — это все наследство Советского Союза». Износ оборудования в авиапроме составляет 48%. После последних авиакатастроф заговорили о восстановлении отрасли, решили выпускать свои лайнеры. Не могут решить только один вопрос: на каком оборудовании, и кто будет собирать? Авиапром развален, кадров не осталось. За один день профессионалов не подготовишь.

Предприятия нефтяной отрасли изнашивались на 70%. Нефтяные магнаты получают бешеные доходы, но не хотят тратиться на модернизацию производства. Например, компания ТНК-ВР перевела 95% своих годовых доходов на дивиденды, а это около четырех миллиардов долларов, ничего не оставив на развитие заводов и промыслов. Но это не смущает Путина, он берет с собой в ЮАР козырного короля компании Виктора Вексельберга, и тот обещает вложить миллиард с лишним долларов в экономику этой республики. То есть сначала отстроим Африку, потом уже возьмемся за свои губернии.

Предприятия разоряются, куда же податься работникам? Им нужно кормиться, зарабатывать, они остались без денег и работы.

Устраивая акции протеста, работники требуют теперь не только возврата долгов по зарплате, но и сохранения предприятий.

Такие требования выдвигают работники Барнаульского комбината химических волокон, ярославского завода «Холодмаш», Ясногорского машиностроительного завода. Две тысячи работников Воронежского экскаваторного завода давно уже бастуют, правда, власть этого даже не замечает. Завод разрушен. В былые времена здесь изготавливали в год 1190 единиц землеройной техники, сейчас — всего 40. Экскаваторщики грозятся, если руководство не погасит задолженности по зарплате за полгода, то они перекроют трассу «Дон». Они уже брали в заложники внешнего управляющего, который видит только одну выгоду — в распродаже заводского имущества. Управляющего выручила милиция. Завод никому не нужен, от него отказалась власть, коммерсанты, единственной позитивной силой остаются бастующие. Стачком даже разработал на ближайшее время свой бизнес-план, сформировал «аварийные» бригады, которые поддерживают производство в рабочем состоянии. В результате было собрано и отправлено заказчикам шесть экскаваторов.

Рядом с экскаваторным за короткое время захирел, распродан стратегический концерн «Энергия». Уничтожен завод, выпускавший кузнечно-прессовое оборудование.

Загибаются заводы — значит негде работать, люди переходят в торговлю или становятся безработными. МОТ утверждает, что у нас больше пяти миллионов безработных. На самом деле никто не знает их точного числа. Людям нет смысла вставать на учет. Величину минимального и максимального пособия по безработице на 2006 год, невзирая на инфляцию, правительство оставило такой же, как и в 2005 году, — от 720 до 2880 рублей.

Можно ли прожить месяц на 720 рублей? А такую сумму получают 63,6% безработных, да еще все время нужно отмечаться в службе занятости, быть всегда на виду. Вот люди и не встают на учет. Кто устраивается на временные подработки, а кто отправляется в поисках работы в другие края.

В Тульской области есть поселок Товарковское. Раньше здесь работал завод низковольтной аппаратуры, еще несколько предприятий. Сейчас они не работают. Была своя больница. Ее тоже закрыли. Я встретил в московском медицинском центре двух медсестер

оттуда. Добираться до работы от дома — пять часов. Чтобы сократить число поездок, им пошли навстречу, совместили две смены. Отработают женщины двое суток без сна и отдыха и — на перекладных в обратную дорогу. Получается пять концов в месяц. При зарплате в девять тысяч рублей две с половиной тысячи уходит на оплату дороги. Сестры измученны до предела, но зато имеют работу. В Товарковском им многие завидуют.

А вот как искал работу Александр Царев, тот, кто в городе Кимры, в начале перестройки, поднял коллектив фабрики на борьбу с начальством.

В поисках работы он оказался в Челябинске. Нелегальный рынок труда располагался на обочине одной из улиц. Люди толпились с ночи, держались группами по пять-шесть человек. Большинство из них хотели заработать хотя бы на один день существования, согласны были на любую работу. Толпа обступала каждую останавливающуюся машину, некоторым удавалось договориться. Цареву в первые дни не везло, он никому не показался, а может быть, еще не мог торговать собой, зато много узнал об этих людях. Здесь были свои классы, своя элита.

Бомжей в полном понимании этого слова на нелегальном рынке труда не было. В мире бродячих людей существуют свои неписанные правила. Гастарбайтеры с бомжами не общаются, они не ночуют где попало, имеют в запасе для ночлега место или сбережения, чтобы оплатить койку в общежитии или полку в загнанных в тупик вагонах. Самое страшное для них — сломаться. Сломаться — получить травму, ибо их жизнь идет по упрощенному правилу, пока здоров — живешь и радуешься.

У бомжей все проще. Их даже удивляет, что при изобилии в городе мусорных контейнеров, пустых пивных бутылок, металлических банок, нужно искать работу. Они имеют пищу, пусть и не первой свежести, и средства для приобретения спиртного, дальше этого набора желаний у них не распространяются.

Миллионы гастарбайтеров, не иностранцев, а своих, мигрируют сейчас по стране. Их становится все больше. Многие находятся уже в состоянии, близком к блаженному миру бомжей, они устали бороться. Чтобы спасти этих людей, необходимо перестраивать идеологию государства, думать не о капиталах, а о людях, которые в борьбе за выживание стали беспомощными, потеряли смысл

жизни. Разве можно оправдать реформы, которые превращают человека в животное?

Царев с трудом нашел работу. Его взяли на ремонтные работы на одном из частных заводов. Переносили бетонные балки. Напарнику, тоже завербованному на улице, захотелось покурить. Он без предупреждения отпустил балку прямо на ногу Цареву. Перелом. Хозяйка привезла его в больницу и сказала, что за нарушение техники безопасности она не отвечает, и вообще он у нее не работал. Врач отказался оказывать помощь, так как у Царева не было регистрации. Так «сломался» еще один гастарбайтер. Цареву еще повезло, его, как бездомную собаку, подобрали добрые люди, обогрели, вылечили.

Показательно, что в надежде на улучшение своего положения, за последнее время около 46 миллионов человек, треть населения, сменили место жительства. Люди жмутся к большим городам, к мегаполисам. Только единицы приобрели квартиры, большинство обитает на съемных углах, а то и вовсе в собачьих конурах.

На Западе с интересом наблюдают, как Россия вымирает. Очевидно, ждут, когда территория освободится, чтобы занять ее. Газета «Ди Вельт» пишет, что за последние годы уже исчезло 11 тысяч деревень и 290 городов.

Вот еще два населенных пункта, которые скоро попадут в этот список. В селе Подсосново Алтайского края 127 человек официально безработных, а рядом в Дегтярке таких набирается 202. Куда деваться людям? Остается одно — заколачивать свои дома и идти по дорогам России в поисках работы.

Макроэкономический анализ рынка труда показывает, что баланс занятости при общем сокращении рабочих мест в высокотехнологичной промышленности, особенно в области машиностроения и научно-конструкторских разработок, сместился в сторону малоквалифицированного труда. Произошло обвальное падение объемов выпуска наиболее наукоемкой продукции. Производство металлорежущих станков, которое является основой машиностроения, за последние годы снизилось более чем в десять раз.

Рабочих в нашей стране стало намного меньше. Самый популярный вид деятельности — торговля. Торгуют всем, в том числе и Родиной. Вот что рассказывает один из таких вынужденных торговцев: «Я работаю в «Ашане». Люди здесь долго не задерживают-

ся. Подавляющая часть работников в торговом зале — женщины из деревень и городков Подмоскovie. Увольняются по следующим причинам: низкая зарплата, обман при выплатах премий. Мне первую премию начислили после восьми месяцев работы, хотя обещали после трех, и та оказалась наполовину меньше обещанной. За основу управления персоналом взято унижение, откровенное хамство. В работниках видят прежде всего дрессированных животных, выполняющих нужные команды. От человека, который может постоять за себя, сразу избавляются. Если хотя бы один день в месяц отболел, то премию не получишь. Еще одна немаловажная деталь: сложный график с чередующимися первыми и вторыми сменами. Первая смена начинается в 6.30 утра, при том что накануне отработал вечернюю смену, которая заканчивается в половине одиннадцатого».

Население пребывает в депрессивном состоянии, что вызвано потерей смысла жизни, неудовлетворенностью сегодняшним днем и неуверенностью в завтрашнем. Это ведет к ухудшению здоровья, к значительному сокращению продолжительности жизни, к увеличению в 1,5—2,0 раза смертности.

За последние три года свыше 280 тысяч человек эмигрировали из страны. Причем покидают Россию высококвалифицированные специалисты: 44 тысяч человек с высшим образованием, в том числе 254 докторов и кандидатов наук. В основном в поисках престижной работы уезжают мужчины, а вслед за ними отправляются невесты, они ищут за рубежом надежных женихов. Вот тебе и демография. Для повышения социально-экономического статуса мужчин и удовлетворения их профессиональных притязаний, необходимо кардинально и системно менять структуру трудовой занятости, а это можно достичь только одним путем: стимулировать промышленное развитие с опорой на высокотехнологичное производство и сложный высококвалифицированный труд.

Сталин загонял людей в колхозы, отбирал у этих хозяйств зерно и продавал его на Запад. Это было бесчеловечно. Люди голодали. Но на вырученные деньги вождь покупал современное оборудование и оснащал им предприятия. Сейчас у нас есть деньги стабилизационного фонда, их начинают вкладывать в акции иностранных компаний. Отщипнули от этого куса и для небольшого инвестиционного фонда. К сожалению, эти деньги пускают не на восста-

новление промышленности. С 2007 года начнется строительство платной скоростной дороги Москва — Санкт-Петербург. Уже названа ее стоимость — 241 миллиард рублей, из них государство заплатит около 120. Эти деньги в основном пустят на ветер, потому что автомобильные пробки между Москвой и Питером образуются на въезде и выезде из столицы и Санкт-Петербурга, а дальше пробок вообще нет, но строить платную скоростную трассу станут на протяжении 670 километров. Даже при оптимальной плате с автомобиля, окупаемость дороги растянется на 40 лет. Нужно ли при нашей нищете тратить на это государственные деньги? Являются ли эти затраты первой необходимостью?

Не лучше ли вспомнить о здоровье людей. От сердечно-сосудистых заболеваний гибнут сотни тысяч человек в год. В других странах с этим стали бороться с помощью стентов (расширителей или протезов стенок кровеносного сосуда). У нас могут позволить такие операции единицы, стоят они больше 100 тысяч рублей, потому что все компоненты иностранного производства, да еще с прибавочной стоимостью для различных посредников. У Минздравсоцразвития денег на это нет, хотя много рекламируют национальный проект «Здравоохранение». Патриотичней было бы вместо скоростной дороги на эти миллиарды построить завод по изготовлению стентов для кровеносных сосудов, отдать их на восстановление промышленности по изготовлению медицинского оборудования. Появились бы новые рабочие места, да и стенты бы стоили не 100 тысяч рублей а две-три тысячи. Много людей можно было бы спасти от смерти, а заодно и от безработицы.

Но у правительства свой резон, они настроены на сырьевую экономику, а для нее выгодно уменьшение населения и его невысокий образовательный уровень. Кому этот народ нужен? Одни нахлебники. Доходы от продажи сырья оседают в основном за пределами Российской Федерации. Деньги выводятся из внутреннего оборота, не вкладываются в развитие страны. Только в 2005 году из России ушло 73,4 миллиарда долларов.

ВЛАСТЬ УСМИРЯЕТ НАРОД

Сколько ни повторяй слово «стабильность», если общество построено на огромных противоречиях, то система в любую минуту

может рухнуть. Власть строит что-то невразумительное. Объяснять эту политическую конструкцию человеческим языком не собирается, передало такую деликатную миссию отрядам ОМОНа, милиции. Им все чаще приходится выходить для просветительских разговоров с непонятливыми гражданами. Парни с накаченными мышцами делают то, что хорошо умеют: пускают в ход приемы рукопашного боя, меры физического воздействия и даже огнестрельное оружие. Многие из них, побывав в боях с бандформированиями на Северном Кавказе, заболели чеченским синдромом, перестали отличать мирных граждан от бандитов. Разгон мирного митинга для них — боевая операция.

Вот всего несколько конфликтных ситуаций, произошедших в нашей стране недавно и почти одновременно, где ОМОНу доверили «беседовать» на своем языке с людьми, пытавшимися найти справедливость.

Шесть лет назад главой Докузпаринского района в Дагестане стал Керимхан Абасов. Люди поддержали его выдвижение, потому что он обещал привести район к процветанию, но чиновник не сдержал слова. Промышленности в районе нет, в основном животноводство. Большинство пастбищ — земля тут на вес золота — очутилось в ведении ближайшего окружения Абасова. Правительством республики району дополнительно выделено 4,5 тысячи гектаров отгонных пастбищ вне территории района. Эти гектары оказались закреплены за фермерским хозяйством, оформленным на жену Абасова, все дотации от Минсельхоза тоже шли по этому адресу. В то же время задолженность по зарплатам учителям, другим бюджетникам стала стремительно расти, а огромные суммы, выделенные государством, шли на оплату работы существующих только на бумаге спортивных центров, школы искусств, детских садиков, местного телевидения.

Докузпаринцы строчили коллективные жалобы во все концы света — главе Дагестана, в полпредство ЮФО, президенту России. После каждой жалобы присылали для проверки комиссию, но накануне приезда ревизоров в Докузпаре в местах хранения финансовой отчетности случались «наводнения» или «пожары». Наконец, 29 декабря 2005 года из Управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД Дагестана был получен обнадеживающий ответ: «Факты по умышленному уничтожению бухгалтерской

отчетности и нецелевого использования бюджетных средств подтвердились». Прошло полгода, но ничего не изменилось, никаких мер не было принято.

Жители района стали готовить митинг для выражения общественного мнения о деятельности Абасова и его команды. В положенные сроки местным властям направили уведомление, указали время и место проведения митинга. При 14 тысяч жителей района, в митинге предполагалось участие пяти тысяч.

В назначенное время в районном центре собралось около 1000 человек, сюда же двигалась колонна жителей сел Микрах, Микрах-Казмаляр и Каладжух, расположенных в нескольких километрах от районного центра, другая колонна демонстрантов шла от села Мискинджа, третья — из остальных сел. Милиция всем перекрыла дорогу, остановила движение. Организаторы митинга попытались добиться встречи с Абасовым и прокурором Ф. Лагметовой. Переговоры не состоялись, а прокурор запретила проведение митинга в намеченном месте, сославшись на то, что в парке отдыха, то есть в месте, которое было в заявке, занято сторонниками главы администрации. Милиция потребовала от демонстрантов пройти для митинга к селу Мискинджи, хотя до него было больше четырех километров. Под проливным дождем демонстранты двинулись к этому селу. Добрались до него всего 300—500 промокших, измученных человек. Митинг должен был начаться в 10 часов, но четыре часа потратили на переговоры, марш-бросок. В порыве отчаянья протестанты перекрыли автотрассу, не по всей ширине, только сузили проезд, заняли одну сторону. Ничего другого они не могли противопоставить издевательствам. Здесь и начался митинг. Тем временем ОМОН, подвезенный на машинах, приступил к разгону митинга. В то время как одни стали охватывать митингующих полукольцом, другие скрытно поднялись на гребни, возвышающиеся над дорогой, и открыли массированный огонь из автоматов в воздух. Взрывались свето-шумовые гранаты, шипели дымовые шашки. Демонстранты в панике стали разбегаться по селу. Омоновцы преследовали их, избивая стариков, женщин, использовали газовое оружие. Из него и был убит Мурад Нагметов.

Во двор крайнего дома ворвались три омоновца. Один выпустил автоматную очередь по туалету, где, к счастью, никого не было, другой выстрелил в грудь Алюссету Нусруллаеву. Пуля — газовый

контейнер — прошла рядом с сердцем. В отличие от Нагметова, он остался жив. Такой же пулей-контейнером был тяжело ранен в правую часть груди Элман Ахметханов, стоявший примерно в 150 метрах от места митинга, пуля-баллончик застряла у него в теле. Он почувствовал запах газа, жжение в глазах, удушье.

Тех, кто убегал, сейчас хотят обвинить в агрессии против тех, кто преследовал. Жертвами выставляют не мирных жителей, не убитого Мурада Нагметова, а омонцовцев, которых якобы забросали камнями, не называя при этом по именам «пострадавших» омонцовцев.

67 жителей отловили во дворах и отвезли в райотдел милиции. Основанием для задержания была грязь на руках, якобы они кидались камнями. Задержанные подверглись допросам, сопровождаемыми избиениями, пытками и издевательствами. 25 человек целые сутки держали на улице на холоде, не давали не только пищи, но и воды.

Так расправились с людьми, которые хотели рассказать правду о коррупции в районе. Не стоит удивляться, что боевики после таких разборок с мирными жителями находят среди них много сочувствующих.

Это Кавказ, горящий котел, непосвященный человек при односторонней информации не в силах разобраться, кто там прав, кто виноват. Но оказывается, в центре России, где нет гор, положение не лучше. Около месяца голодали в марте — апреле работники Ясногорского машиностроительного завода Тульской области. Уже несколько лет им не отдают долги по зарплате. Среди голодающих беременная женщина, люди в возрасте старше 70 лет. Врачи рекомендовали им выйти из голодовки, но они оставались со своими коллегами, не видя иного способа добиться выплаты заработанных денег. Потеряла сознание пожилая женщина, и ее отправили в больницу. Не выдерживали другие, их тоже увозили в стационар для реабилитации. Но представителям власти нет дела до этих трагических событий, они праздновали юбилей городов, готовились к саммиту восьмерки в Питере. Ходоки из Ясногорска дошли до Государственной думы, но только у коммунистов нашли сочувствие, а ведь почти все ясногорцы голосовали за «Единую Россию». Их предал даже депутат, которого они избирали от своего округа. Коммунисты дали поручение двум комитетам найти возможность

помочь голодающим в Ясногорске. Через неделю попросили отчитаться о принятых мерах председателя по социальным вопросам и труду Андрея Исаева. Тот ответил, что, как только пришло поручение, он сразу отправил запрос губернатору и в Министерство здравоохранения и социального развития. Но потом оказалось, что Исаев никакие письма не отправлял. Его поведение вряд ли может удивить. Являясь одним из лидеров ФНПР, профсоюзов, которые должны защищать работника, при принятии Трудового кодекса, он всячески сопротивлялся введению уголовной ответственности работодателей за задержку зарплаты. Вместе с партией «Единая Россия» добился своего, такую меру наказания Дума не приняла.

Чтобы привлечь хоть какое-то внимание к своей проблеме, голодающие делегировали в Тулу восемь человек, тех, у кого еще остались силы, для организации пикета у дома губернатора. Пикетчики, расположились у парадного входа, плотно прижались друг к другу, обернулись плакатом, на котором было написано: «Верните зарплату рабочим», кроме того, закрыли головы руками, боялись, что стражи порядка, убирая пикет, будут их избивать.

Лишь небольшая группа прибыла для пикета, а власть в городе переполошилась, как будто на город наступала татаро-монгольская орда. «Под ружье» поставили половину личного состава милиции города. Пикет начался в 14 часов, а личный состав вызвали на «боевое дежурство» к шести утра. Можно было бы посмеяться над этими страхами, если бы не было так печально. Власть знает, что народ доведен до предела и в любой момент может взорваться. Захлестнут эмоции, поддержат голодающих или еще кого-нибудь и тогда действительно будет татаро-монгольская орда — не удержишь.

Пример тому — волнения в карельской Кондопоге. Здесь много безработных, особенно среди молодежи. Люди живут в нищенских условиях, озлоблены. При отсутствии достоверной информации среди населения бродят самые невероятные слухи. В любое время можно указать на врагов и поднять народ на бунт, на погромы. После драки в ресторане и убийстве трех местных жителей, большая толпа народа собралась на площади, требовала для разговора представителей власти, но никто к ним не вышел. Зато появился молодой человек с мегафоном и повел народ громить палатки и магазины.

В Туле на этот раз пронесло. Пикет продержался всего 22 минуты. В многочисленные окна административного дворца смотрело множество чиновников, но никто к голодающим не вышел. От горожан пикет отгородили. Ближе никого не подпускали. Почувствовав, что волнения не передадутся улицам, омоновцы получили команду убрать бунтарей. Каждого голодающего хватали по два омоновца и, как мешки с картошкой, забрасывали в автобус. Бить не стали — видно постеснялись многочисленной прессы. Пикет упаковали, отвезли в районное отделение милиции, составили протоколы на каждого и отправили опасный груз к месту прописки голодовки, в Ясногорск, где никто голодающих не видит и не слышит. Таким способом «решили» проблему.

В это же время в Ярославле доблестные вояки в форме без всяких документов брали другой объект — общежитие на Корабельной улице.

Немного позже всю страну обошла информация о выселении из деревянного домика в московском поселке Южное Бутово семьи Прокофьевых, матери со взрослым сыном. Вместо домика и нескольких соток земли, которые стоят по рыночной цене сотни тысяч долларов, Прокофьевым предлагали однокомнатную квартиру. Документы на выселение были не слишком убедительны, поэтому семья на такой обмен не согласилась. Для штурма непокорной крепости был вызван ОМОН — около ста бойцов. С другой стороны на помощь Прокофьевым пришли соседи. Омоновцы выворачивали пожилым людям руки, ломали забор, шаг за шагом продвигаясь к домику. Это была настоящая война власти со своим народом.

Подобное происходило и в Уфе. Из дома по улице Фрунзе на основании плана реконструкции квартала и строительства на этом месте многоэтажного элитного дома из собственного дома выселяли в однокомнатную квартиру семью Магадеевых — восемь человек. В этом квартале уже пытались выселить неимущих людей из своего жилья — милиция выбивала окна, разрушала дровяные сараи, в лютые морозы отключали воду и газ, стараясь создать невыносимые условия для дальнейшего проживания этих людей.

Соседи не дали возможности разрушить дом Магадеевых, как и в Южном Бутово, они встали на пути бульдозера и омоновцев. Потом в этом районе был создан орган социального самоуправления «570 квартальный батальон», избран комбат. Жители направили

уведомление Путину в том, что они отзывают голоса, поданные на выборах 2000 и 2004 годах, так как он не защищает их права. На доме Магадеевых был вывешен плакат: «Нам угрожают ОМОНОм, нам не нужен новый Благовещенск».

Вот такова картина современной России, реформаторы берут последние рубежи.

СОЦИАЛЬНЫЙ ФОРУМ

С большой помпой был обставлен саммит восьмерки в Санкт-Петербурге. Здесь же, но не в царском дворце, а на заброшенном городском стадионе, активисты различных общественных организаций, то есть представители гражданского общества, решили собраться на Социальный форум России. Все на законных основаниях. Подали заявку. Ее удовлетворили. Темы форума очень актуальные: реформирование ЖКХ, борьба с последствиями монетизации льгот, противодействие приватизации и коммерциализации образования, защита прав человека при растущем расслоении общества, противодействие национализму и шовинизму, профсоюзная солидарность, решение проблем здравоохранения. Попробуйте найти человека, которого эти вопросы не касаются. Все они для современной России важнее, чем проблемы, которые обсуждали вместе с Путиным главы великих держав.

Со всей страны собирались делегаты на форум, но сверху спустили команду не пускать. Операция получила кодовое название «Заслон». От кого заслон? Очевидно, от социальных проблем, от людей, которые их поднимают.

Органы правопорядка стали выполнять приказ. В Чите сняли с поезда шестерых активистов общественного движения «За развивающуюся Находку». Делегатов затащили в отделение милиции, для профилактики избили, в том числе троих женщин. Молодые люди добирались в Питер на свои кровные. Семь суток дороги в плацкартном вагоне, на верхних полках не такое уж романтическое путешествие, но им было очень важно быть на форуме, сказать свое слово, послушать других, согласовать дальнейшие действия, но такой возможности их лишили.

Таким активистам гражданского общества стали противопоставлять туристов под вывеской «Наши». Их бесплатно привезут,

увезут. От них пока не очень много требуется — в назначенное время помахать флажками на какой-нибудь площади, показать численность своих рядов. Лидер «Наших» Якименко, сказал, что крупный отечественный бизнес с пониманием относится к их движению, помогает материально, но называть фирмы, от которых идут денежные переводы, не стал. Богатые люди формируют свой фронт, ищут солдат для гражданской войны.

В Чите находчан, после горячей обработки в отделении милиции, посадили в штабной вагон и отправили в обратном направлении. При посадке в поезд особо опасных для государства личностей присутствовал мэр города, начальник станции, прокурор и представители ФСБ. Во Владивостоке их встречали сработанные под толпу трое фэзбешников.

К «Заслону» подключили всю Россию.

В Саратове сотрудники прокуратуры пришли домой к Александру К. и увели ночевать в милицию. Он якобы подозревался в разбойном нападении. С него взяли подписку о невыезде. Ивана К. сняли с автобуса Саратов — Москва. Другого активиста задержали прямо в вагоне поезда Саратов — Санкт-Петербург и девять часов продержали в милицейском обезьяннике. На доступном языке объясняли, что президент у нас хороший и что не нужно против него протестовать.

В Новосибирске перед отправлением поезда задержали Романа Б., который известен в городе выступлением против монетизации льгот. Ему все-таки удалось сесть в вагон, но по дороге у него украла паспорт. Боясь проверки документов, он стал добираться до Питера на электричках.

В Ижевске задержали представителя Союза координационных советов Олега С. Сотрудники милиции сообщили ему, что у них есть документ, по которому они имеют на это право.

Вадима Т. из Северска Томской области (Сибирская конфедерация труда) арестовали перед самым отъездом. Ему дали десять суток по сфабрикованному делу.

Из Тулы должны были ехать на форум десять делегатов. Сотрудники милиции наведались к ним домой, в ультимативной форме потребовали забыть о форуме.

Вера Т. из Ярославля перед поездкой в Питер заглянула к другу в Москву. В милиции, потеряв объект из виду, переполошились, на-

грянули на ярославскую квартиру, с пристрастием стали допрашивать маму Веры, требовали выдать местонахождение дочери. Она назвала адрес. Ранним утром следующего дня милиционер ранним поднял с постели жильцов московской квартиры, где гостила Вера. Уполномоченный представитель власти провел с Верой беседу о вреде питерской погоды. В это же время в самом Ярославле домой к Сергею К. явились убоповцы и увезли в УВД, потом отпустили, а через несколько часов, перед самым отправлением поезда в Питер, опять задержали. Александра И. увезли из дома и продержали в милиции сутки. За это время успели сфабриковать на него дело о мелком хулиганстве. Якобы он ругал милиционеров матом. Свидетелями выступили сами же милиционеры.

Милиция не только задерживала делегатов на Социальный форум, но и для убедительности старалась сделать из них криминальных элементов. Вот как это происходило.

Делегаты из Находки предприняли вторую попытку попасть на форум. Наталья Ремизова была снята с рейса, якобы в ее вещах была обнаружена тротиловая шашка. По этому факту было возбуждено уголовное дело. Сын Ремизовой Василий избрал железнодорожный транспорт. Будучи студентом одного из питерских вузов, он имел право без всякой конспирации ехать в Санкт-Петербург. На одной из станций Василия сняли с поезда. Избили, отобрали телефон, документы, вещи, заставили подписать протокол, что у него найдено несколько патронов. Потом парня выбросили на улицу без денег и документов.

Дмитрий Виноградов из Твери перед поездкой на Форум должен был встретиться с приятелем у вагонного завода. Чтобы избежать провокации, для встречи был специально подобран людный пятак. Когда Дмитрий выходил из троллейбуса, на него набросились четыре человека, стали избивать, одновременно шарили по карманам. К счастью, подошел очередной троллейбус, нападавшие ретировались, но остановились в пределах видимости, докладывая кому-то по мобильному телефону о проведенной операции. Дмитрий стал приводить себя в порядок. Из одного кармана рюкзака торчала коробка из-под аспирина, такой упаковки у него до этого не было. От греха подальше он ее выкинул. Тут же с криками «Стоять, милиция» к нему бросились откуда-то появившиеся люди. Схватили, поволокли в машину. В отделении провели обыск, же-

лаемой коробочки из-под аспирина, где, очевидно, должны были быть спрятаны наркотики, не нашли и очень расстроились. Ему откровенно заявили, что задержали для того, чтобы он не попал на Социальный форум. В протоколе же написали другое: якобы клиент справлял нужду в людном месте и не реагировал на замечания прохожих. Вместо Социального форума Виноградова определили на семь дней в камеру.

Операция «Заслон» проведена была топорно. Удивляет другое. Каким образом стали известны адреса делегатов, активистов? Значит, работа ведется давно. В гражданские организации внедрены агенты, все активисты — под колпаком. Прослушиваются телефоны. Так, точно было вычислено передвижение Дмитрия Виноградова по городу. Знали время и маршрут его поездки. Это, надо признать, новый подход к построению демократии и гражданского общества.

Милиция подключается к поиску врагов государства творчески. Начинают отслеживать неблагонадежных лиц чуть ли ни с детского сада.

В Поворинском районе Воронежской области начальник УВД разослал в школы инструкцию. Учителям предлагается выявлять политические и идеологические взгляды своих учеников и доносить об этом «куда следует». Подозрительных школьников будут ставить на учет.

Для верхов тоже размножена аналитическая записка, в которой все расписано:

«Органы местного самоуправления без должного реагирования принимают уведомления о проведении публичных мероприятий, в том числе в местах, где они запрещены, не требуя от организаторов соблюдения установленных законом условий их проведения. При этом нарушаются права других граждан, устойчивая и бесперебойная работа органов власти и управления, промышленных объектов, общественного транспорта и учреждений социальной сферы. В целях укрепления правопорядка и обеспечения общественной безопасности полагаю необходимым поручить Правительству Российской Федерации:

1. Изучить практику проведения публичных мероприятий в непосредственной близости от органов государственной власти и управления, учреждений, оказывающих государственные услуги,

экстренную и иную социальную помощь, факты воспрепятствования установленному порядку их деятельности и внести в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в соответствии с регламентом проект федерального закона о расширении перечня мест, в которых проведение публичных мероприятий запрещается.

2. В целях недопущения расширения масштабов экстремистских действий и групповых правонарушений рекомендовать высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации повысить требования к исполнению положений Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ, принимать меры к недопущению проведения митингов, шествий, демонстраций и пикетирований, наносящих ущерб интересам других граждан, деятельности государственных органов, объектам особой важности и транспортным комплексам».

Депутаты из «Единой России» — люди подневольные. Прочитали циркуляр, в котором доходчиво рассказано, что от них требуется в борьбе с экстремистами и террористами, и в срочном порядке стали ужесточать закон об общественных организациях. Пытались запретить пикеты, митинги около административных зданий. Президент Путин вовремя остановил «борцов за демократию», закон в таком драконовском виде не прошел, но все равно местные власти не допускают акции протеста под своими окнами. Пускай холопы протестуют на скотном дворе, в крайнем случае на задворках. В Кургане предоставили возможность выбора площадки для проведения пикета под девизом «Работу — зарплату» на безлюдных задворках «Машзавода» или на острове за городом. Протестуйте, сколько душе угодно!

В Череповце около 300 человек из общественного движения «Пенсионер» в январе в 29-градусный мороз пришли к зданию мэрии протестовать против повышения коммунальных тарифов. Мирная акция так напугала местную власть, что в тот же день городской парламент установил новые правила «использования городских земель при проведении массовых мероприятий». Отныне организаторы различных акций за свой счет должны обеспечить не только безопасность мероприятий, но и установку биотуалетов, работу скорой помощи, уборку территории. Походные кухни только забыли упомянуть. Для того чтобы подать заявку на проведение

акции, нужно предоставить в мэрию копии договоров с организациями по уборке территории.

В Нижнем Новгороде мэр города тоже решил, что гражданское общество много мусорит, и запретили пикеты перед мэрией.

В Москве сейчас работают над законопроектом «Об обеспечении условий реализации прав граждан РФ в Москве на проведение митингов, шествий и пикетирований». Изюминка законопроекта в том, что организаторы должны будут визировать у властей все лозунги. Как вы думаете, дадут ли власти согласие на митинг, на котором будут лозунги «Долой Лужкова!»?

В Пензе власть не дала согласие на проведения митинга по поводу повышения коммунальных тарифов, но организаторы оказались с выдумкой, устроили вместо митинга в честь высоких коммунальных тарифов народное гулянье. Люди, взявшись за руки, ходили около здания администрации города, пели русские народные песни, перемешивая их «речевками», похожими на частушки: «Повысим коммунальные услуги в три раза», «Одобряем платную медицину и образование» и так далее. Народный «праздник» очень напугал администрацию города, тарифы были снижены.

Социальный форум все-таки состоялся. До стадиона добрались примерно человек 250. После окончания его работы у выхода со стадиона делегатов встречало двойное оцепление милиции. Для стражей порядка было устроено театральное действие, похожее на пензенское. Делегаты, изображая заключенных, заложили руки за голову и пошли по кругу, скандируя: «Да здравствуют путинские реформы!», «Да здравствует большая восьмерка!», «Я люблю милицию!», «Больше работы — меньше зарплаты!», «Станем бомжами!», «Долой бесплатное образование!», «Да здравствуют коррупционные суды!». Милиция не аплодировала, но и арестовывать за этот спектакль никого не стала, только расступились перед самостоятельными артистами.

Разъезжающихся делегатов форума держали под приглядом до самого дома.

Один из них, правозащитник Валерий Бычков, спокойно спал в купе поезда. Ночью его разбудил вооруженный наряд милиции. Старший наряда, сославшись на телеграмму из центра, в которой указывалось о склонности Бычкова к экстремизму, потребовал объяснения, куда и зачем тот едет. Бычков показал удостоверение

депутата городской думы Пензы и сказал, что едет домой. Проверяющий был смущен, перед ним находилось лицо неприкосновенное — депутат, но все-таки записал данные паспорта и депутатского удостоверения, пожелав спокойной ночи, удалился. Бычкова, наверное, зачисли в экстремисты после того, как он стал заниматься бывшими детдомовцами. Многие из них стояли в очереди на получение обещанных квартир по десять и больше лет, а пока обитали в ночлежках. Он собрал сирот вместе. Подготовили плакаты, и необычная манифестация с депутатом во главе двинулась через весь город к зданию городской думы. Там начался митинг. К Бычкову присоединились другие депутаты. Прямо на площади прошло экстренное заседание, составили обращение к городской администрации. В результате в бюджет города были заложены средства для строительства стоквартирного сиротского дома.

КУПЛЕННЫЕ ГОЛОСА

Для манипулирования сознанием людей в качестве информационной матрицы сейчас используется слово «демократия» (власть народа). В нашей стране оно полностью себя дискредитировало. За «свободными демократическими выборами» мы видим правовой беспредел, черный пиар, деньги и политическое безумие, желание приукрасить положение дел в экономике

На выборах идет массовый обман избирателей. Кандидаты в депутаты, в мэры, на должности глав администраций обещают многое, а, получив мандат, сразу забывают об этом. Стали даже поступать предложения включить в Уголовный кодекс статью о политическом мошенничестве и привлекать к ответственности тех, кто в своих предвыборных программах говорят об одном, а потом делает совсем другое. Это ни что иное как политическое «МММ». У населения нет возможности контролировать деятельность своих избранников и нет способов их отзывать. Самое печальное, что эти политические инструменты даже и не пытаются внедрять.

Мнение простолюдина никого не интересует. «Левада-Центр» провел недавно социальный опрос населения. 87% опрошенных считают, что они не в силах оказать какое-то влияние на политическую и экономическую жизнь страны. В главных же странах Европы: Франции, Германии и других, от 54 до 60% опрошенных

по таким же вопросам заявили, что активно участвуют в управлении своими государствами. Эта разница в ответах и является различием между суверенной демократией и демократией. Выборы для нашего народа становятся потехой, петушиными боями — что напиться, что на избирательный участок сходить. Ощущение своей гражданской значимости временное, потом наступает горькое похмелье. Из центра присылают списки, говорят, голосуйте за наших. В этом списке деятели, приближенные к власти, а не к народу. Избирателей не агитируют, а зомбируют, потому что свободной прессы нет. Личностей из списка превращают в апостолов, которые спустились с небес, чтобы спасти народ. День и ночь говорят об их добродетелях по телевидению и радио. Все им оказывается подвластно — могут даже заказать хорошую погоду на ближайшую пятилетку. Других политиков в нашей стране как бы и нет.

Оберегает себя власть не только от конкурентов, не хочет зависеть и от самого народа. Для этого был снижен порог явки, его довели до 20% от численности избирателей, и в то же время для партий увеличили проходной порог до 7%. Придут теперь чиновники на избирательные участки со своими семьями и можно докладывать, что выборы состоялись, победила «Единая Россия».

Сейчас российский гражданин не может сформировать свое мнение о предвыборных программах, профессиональных, деловых и человеческих качествах конкретных кандидатов, ценность которых наиболее верно выявляется в публичных дебатах претендентов по вопросам внутренней и внешней политики. Такого ринга боятся прежде всего представители «Единой России», поэтому дебаты между основными кандидатами или партиями не проводятся, что и является основной причиной увеличения в последнее время процента избирателей голосующих «против всех». Избиратель не хочет голосовать «втемную», он требует гарантий, из которых лучшими являются его собственное мнение о кандидатах и политических партиях.

Все время идет подсчет стоимости депутата при выборах в Госдуму. Сюда входит плата за сбор подписей, за рекламу и так далее. Получаются миллионы рублей и даже долларов. Не набрал в свою поддержку подписей — можешь откупиться залогом, как бы саму демократию на время сдают в ломбард. Если все малоимущие слои населения страны скинутся, то по этим расценкам наберут

всего на одного, от силы двух депутатов, но и этого теперь нельзя сделать. По одномандатным округам в Госдуме депутатов не стали выбирать, только оптом, партией. Свою партию бедным уж точно не поднять. Вот таким способом покупают себе власть. Голосуют денежные мешки, а не люди.

Избирательные законы напоминают прикуп в карточной игре: не то что нужно для подлинной демократии, а что выгодно партии власти на данный момент.

Вот, например, интервью с одним из лидеров «Единой России» Вячеславом Володиным. Речь идет о введении досрочного голосования.

В. В. Нам говорят: «Единая Россия» напринимала для себя законов. Но эти нормы были в избирательном законодательстве, еще, когда в Госдуме «Единой России» не было.

Корр. Потом эти нормы отменили, потому что они себя дискредитировали.

В. В. Правильно. Кто это сделал? «Единая Россия».

Корр. Зачем же опять их вводить?

В. В. Чтобы защитить права граждан.

Что же получается? Вчера закон себя дискредитировал, а сегодня будет защищать права граждан? Наевшись пустыми обещаниями, избиратели могут не пойти на голосование, вот «Единая Россия» и ищет выход. Нечто подобное существует в Белоруссии. Там на последних выборах президента досрочно проголосовало до 40% избирателей, и все — за батьку Лукашенко.

Использование административного ресурса при досрочном голосовании беспредельно. Это уже было продемонстрировано не только в регионах, но и в Москве.

Никак не могли избрать депутатов муниципального собрания района Крылатское. Население отдало предпочтение оппозиционным кандидатам. Это не понравилось руководству. Задним числом нашли нарушения во время голосования. Результаты выборов были отменены. В следующий раз опять прошли неугодные кандидаты. Пришлось избирательной комиссии «обнаружить» подмену бюллетеней. Опять выборы впустую. Изучив неудачи, власть подстраховалась и провела досрочное голосование. Доля проголосовавших таким образом составила 42,7% от общего числа принявших учас-

тие в выборах. Чтобы скрыть многочисленные нарушения, с четырех участков были удалены независимые наблюдатели. С одного участка наблюдателя удалили после того, как тот зафиксировал, что пришедшие голосовать люди, увидели себя в списках досрочно проголосовавших.

Можно перечислить множество способов, с помощью которых можно сфальсифицировать выборы при досрочном голосовании. Оно проводится на протяжении нескольких дней, и все это время за сохранность бюллетеней практически никто не отвечает. Можно подменить бюллетени или даже урны для голосования. Российское законодательство не предусматривает процедуры проверки подлинности печатей на конвертах и урнах с избирательными бюллетенями. Имея оттиск печати или ее изображение с помощью современных технологий можно изготовить дубликат любой печати за 15—20 минут.

При досрочном голосовании главное заманить избирателя, он отметился, а затем можно делать с его голосом что угодно — подменить или подправить немного бюллетень.

Как быть, когда после начала досрочного голосования по решению суда из бюллетеня «вычеркивается» какой-либо претендент или политическая партия? Такая ситуация не редкость на выборах в России. В этом случае избиратели, проголосовавшие досрочно и в день голосования, фактически используют различные избирательные списки, то есть по существу участвуют в разных выборах. Это является прямым нарушением статьи 3 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав».

Можно использовать очень простой способ для отмены результатов досрочного голосования и выборов вообще. Достаточно одному из зарегистрированных кандидатов или одной из политических партий, участвующей в выборах снять свою кандидатуру за день до голосования, и все результаты досрочного голосования становятся юридически ничтожными.

Законодательство РФ теперь не предусматривает наличия в избирательном бюллетене графы «против всех». Отмена этого варианта голосования создает механизм давления на избирателя.

При голосовании гражданину предлагается осуществлять выбор на основе принципа меньшего зла. Вполне может случиться так, что кандидатами на должность президента, мэра или депутата

абсолютно законно могут быть зарегистрированы четыре человека: бывший бандит, бывший насильник, хронический наркоман и потомственный алкоголик. Избирателю в этой ситуации не хочется делать выбор, но его принуждают выбирать лучшего из худших, его фактически лишают конституционного права воздержаться от принятия решения.

И в этой ситуации можно проголосовать «против всех», намеренно сделав бюллетень недействительным, заполнив сразу два или более варианта голосования или унеся избирательный бюллетень домой, но такой выбор не будет иметь правовых последствий в виде назначения повторных выборов. «Единая Россия» и добивается того, чтобы только взяли бюллетень, а это значит, что явка избирателя состоялась. Любой протест оборачивается по нынешним правилам в пользу лидирующей партии.

В осеннем предвыборном марафоне 2006 года, на выборах в местные, региональные законодательные собрания «Единая Россия», празднует победу. Стоит озвучить только один эпизод, чтобы понять, что эта победа далеко не бесспорная.

Кандидат «единорос» в городской совет г. Орла обвинила своего конкурента коммуниста Владимира Загайнова в разжигании социальной ненависти и вражды между оптимистами и пессимистами. Суду долго пришлось разбираться, кто такие оптимисты и пессимисты. Остановились на статье Загайнова, в которой он резко высказывался в адрес высокопоставленных взяточников. Прокурор, участвовавший в судебном разбирательстве, не назвал ни одного конкретного факта нарушения кандидатом-коммунистом, но при этом потребовал отменить регистрацию Загайнова. На основании решения этого суда все должны теперь знать, что нельзя называть наших чиновников взяточниками, это обыкновенные оптимисты, которые борются против народа пессимиста.

Народ разочаровался в нашей избирательной системе. Возьмем Амурскую область. Из-за низкой явки трижды выбирали депутатов в Тынде, четыре попытки было в Сковородино, в Свободном победил депутат «против всех». Госдума убрала любимого свободенцами депутата, за кого им теперь голосовать?

Власть в стране принадлежит не населению, а небольшой кучке олигархов, богатых людей. Они не доверяют другим, сами идут в депутаты, чтобы сочинять удобные для себя законы, деньги на

избирательные компании не жалеют. Разработчик нынешней Конституции РФ Михаил Краснов заявляет, что за последние годы многие ее положения перестали выполняться вообще либо трансформировались до неузнаваемости. Опубликованная им недавно «Красная книга» содержит десятки конституционных прав, которые трактуются не в пользу общества и граждан, а в угоду чиновникам и «денежным мешкам». По словам вице-спикера Госдумы Любови Слиски, «в стране в открытую идет «торговля властью», а «при принятии решений приоритет отдается не государственным, а узкокорыстным интересам».

Посмотрим, например, на народных избранников от Челябинской области. Кто они? Депутат Госдумы Александр Аристов, совладелец ЧЭМК, его состояние оценивается в 5,6 миллиардов рублей. Виктор Рашников, депутат законодательного собрания области, владелец ММК, — 76,6 млрд рублей. Александр Кретов, депутат законодательного собрания области, член совета директоров ЧЭМК, — 2,7 млрд рублей. Константин Струков, депутат законодательного собрания области, генеральный директор угольной компании, — 7,2 млрд долларов. У члена совета Федерации России Андрея Комарова, владельца группы ЧТЗ, состояние исчисляется в 9,2 млрд рублей. Мэр Челябинска Михаил Юревич является совладельцем агропромышленного объединения «Макфа» — 2,4 млрд рублей, будучи на выборной должности, он не имеет права заниматься коммерческой деятельностью. Чтобы обойти этот запрет, мэр изобрел для отвода глаз необычную для себя должность: общественный руководитель концерна.

По Конституции депутаты Госдумы не могут заниматься предпринимательской деятельностью, в реальности среди них десятки действующих бизнесменов с миллиардными состояниями. Участие бизнеса в политике в нашей стране приняло гипертрофированную форму. Только в Государственной думе больше сорока долларовых миллиардеров и миллионеров, а рублевых и не пересчитать. Половина кресел в Думе принадлежит бизнесу. Такие депутаты приходят на заседание только тогда, когда начинают что-то делить. В обычные дни на заседаниях можно увидеть лишь бегающих по рядам с карточками дежурных, голосующих по поручению миллионеров. В основном дельцы в роли депутатов решают свои собственные проблемы.

Из сотни самых богатых, по оценке журнала «Форбс», людей России, десять имеют в кармане сенаторский мандат, остальные, наверное, из списка второй сотни. Не Совет Федерации, а клуб богачей. Кресло сенатора стало товаром. Говорят, что сегодня его цена доходит до 3,5—5 млн долларов. Для богачей это сущий пустяк. По признанию президента Татарстана Шаймиева, «нынешний Совет Федерации в основном состоит из денежных мешков»

Все только говорят, что нужно более справедливо распределять национальный продукт, но депутаты от той же «Единой России» не дадут этого сделать. У них на ура прошел закон о монетизации льгот, Жилищный кодекс, которые отнимают последнее у нищего народа, а готовый проект закона о прогрессивном налоге на доходы граждан, надолго застрял в кабинетах Думы.

Бизнес по дешевке скупает политику, так же раньше у голодных работяг скупали акции предприятий. Сейчас у них забирают по бросовым ценам их избирательные голоса, их гражданские права и человеческое достоинство.

В Архангельской области задержана женщина-агитатор, у нее были изъяты расходно-кассовые ордера на 30 тысяч рублей (которые она якобы получила от директора одного из предприятий), а также журнал с записями адресов, фамилий и сумм, уплаченных избирателям округа. А сколько через подставные благотворительные фонды перед самим голосование происходит раздач продуктов и лекарств?

Последние социологические опросы фонда «Общественное мнение» выяснили, что 29% опрошенных вообще не видят смысла в существовании политических партий, недавно таких было 27%. 22% не собираются идти на выборы. Получился контрольный пакет — 51%, который выступает против нашей избирательной системы, против выборов. Впору назначать этому акционерному обществу нового генерального директора. В этом пакете голоса за кандидата «против всех» и против досрочного голосования, голоса за оппозицию, которой нет.

БОРЦЫ ОДИНОЧКИ

Несложно догадаться, почему народ, живя в нищете, находясь одним из последних в мировой очереди за лучшей жизнью, без-

молвствует. Сначала его лишили доходов, квалифицированного труда, а потом возможности добиваться улучшения жизни правовым способом, как паутиной опутав репрессивными законами. Бедняков теперь не просто угнетают, а угнетают на законном основании. И противиться этому бесполезно. Любые действия против таких порядков считаются покушением на власть, попыткой свержения существующего строя. Например, в результате аферы лишают людей права жить в собственном доме, те сопротивляются выселению, это тоже квалифицируется как экстремизм. Надо смириться, сидеть вместе с выкинутыми вещами у порога своего дома и тихо ждать результатов от прохождения жалоб в судах и прокуратуре, но этого дня можно прождать всю жизнь. Противная сторона окончательного судебного вердикта не ждет, прибегает к грубой силе, вызывает на помощь ОМОН, милицию. Для влиятельных людей такой вид услуг стал подобием приглашения Деда Мороза на дом, богатые в любой ситуации остаются правы.

Законы принимаются уже не для улучшения жизни населения, а как охранные грамоты для власти, чиновников и элиты. Что стоит только закон об экстремизме. Повысил немного голос в разговоре с начальником, и тот согласно этому закону имеет право повязать тебя. На вполне мирных митингах, пикетах стали распространять даже удостоверения «Заслуженный экстремист России». Скоро такое звание будет носить большинство граждан страны. Согласно последним социологическим исследованиям, более 60% населения готовы принять участие в акциях протеста. Народ не безмолвствует, а ждет своего часа.

Перестроечное поколение из рабочих и нижних слоев населения, еще недавно боевое и мобильное, сейчас не в состоянии что-то изменить в стране, добиться справедливости. Силы этих людей подорваны, люди перегорели, жизнь не отпустила им время для того, чтобы выйти из шока, перестроиться и начать новую борьбу. Это поколение еще может сопротивляться, бороться за свои права на местном, бытовом уровне, но самым доступным видом протеста для этих людей остается пока голодовка, все остальные способы гражданского противостояния власти у них отняли. Вместо стройных общественных структур остались одиночки.

Вот одиночный пикет человека, который не мог смириться с беспределом властей. Место пикетирования — площадь перед зда-

нием правительства Тюменской области. Заявитель пикета — правозащитник Вадим Постников, цель — противодействие стремлению департамента имущественных отношений области выбросить на улицу из собственного дома семью из одиннадцати человек.

Жителю Тюмени Василию Арсенюку 14 октября 1999 года для строительства собственного дома был предоставлен земельный участок в бессрочное пользование. Он получил на него свидетельство. Этот же участок понравился ООО «Тюменьстройсервис», и через 40 дней, 25 ноября администрация города передает участок во временное пользование этой организации. Арсенюк написал жалобу, после которой прокурор города распорядился устранить нарушения закона. На этом как бы спор и закончился. Арсенюк заказал проект, семья продала городскую квартиру, взяли кредит и построили дом. Глава семьи в 2003 году умер, остались его жена, взрослые дети со своими семьями — всего 11 душ. Иной недвижимости у них нет. И вот через четыре года по требованию «Тюменьстройсервиса» директор департамента имущественных отношений области обратился в суд с требованием признать дом самовольной постройкой и снести его. На участке Арсенюка оказались спорных десять метров, которыми семья вовсе не пользуется, но был бы повод для претензий. Суд постановил снести дом. Вот и рассуждайте в этом конкретном случае о коррупции, о правах человека. Власть без зазрения совести разрешает продать общежитие с жильцами, разрешает незаконно снести дом, в котором живут люди.

Постникова сменил тюменский журналист Виктор Егоров. Он сел перед зданием администрации Тюмени, закутавшись в плащ с головой, объявил голодовку. Было холодно, дул порывистый ветер. Журналист решился на такую акцию после того, как администрация наотрез отказалась предоставить для ознакомления распоряжение главы города о приватизации муниципальной собственности, согласно которому несколько десятков родственников высокопоставленных муниципальных чиновников одновременно стали владельцами десятка объектов, каждый из которых стоит более миллиона рублей. Поскольку на плакате упоминались фамилии мэра и губернатора, региональная пресса по поводу пикета промолчала. Сидит протестант, никто не обращает на него внимание. А это ведь не пикет, а живой памятник нашим реформам воздвигают время от времени люди, в пору к ним цветы возлагать, туристов приводить.

Нет, не погибла Россия, пока есть такие люди, как Постников и Егоров! Многие потеряли веру, надежду, а эти борются. Система умышленно разорвала связи в гражданском обществе, между активными людьми. С одиночками справиться легче. Сейчас людям даже негде собраться, поговорить, обсудить проблемы. У бедных нет денег на оплату аренды зала для проведения собрания, на оплату проезда к месту сбора, средств на организацию мирного гражданского общества.

Вскоре рядом с Тюменью, в Мегионе, появилась еще одна протестующая фигура. Больше двадцати лет проработал на нефтепромыслах Александр Островидов. В последнее время стало совсем невмоготу. Условия жизни как в резервации. Рядовой работник живет в домах, похожих на сараи. За 15 тысяч рублей в месяц кормит комаров и олигархов, да и эти деньги не всегда удается получить. Выстроена целая система штрафов и наказаний. Сказал Александр слово в свою защиту, и тут же снизили ему разряд по специальности. Некому защитить человека. Профсоюза настоящего нет. В суд идти в одиночку бесполезно — у начальника юридическая служба и прочее. Не только неумехой перед всем миром рабочего выставят, но еще и злостным нарушителем дисциплины назовут, а в завершении судья печать под этой характеристикой поставит. Немного осталось Островидову до пенсии, потерпеть бы, но устал человек унижаться, написал плакат на куске бумаги, и, несмотря на мороз, сел напротив офиса «Мегионнефтегаза», объявил бессрочную голодовку.

Вот еще бунтарь-одиночка, машинист «Сургутнефтегаза» Леонид Ефремов. Его уволили за то, что он отказался работать инструментами, не соответствующими стандартам. Работники боятся сказать начальству о сплошных нарушениях техники безопасности на производстве. Калечатся, да еще и сами же остаются виноватыми. Ефремов написал про все это в Государственную думу, письмо переслали в Генеральную прокуратуру. В результате руководителя управления по капитальному ремонту скважин «Сургутнефтегаза» Сергея Колбина привлекли к административной ответственности. Кажется, наказали, но на производстве ничего не изменилось. Тогда Ефремов принципиально отказался нарушать технику безопасности и не приступил к работе, но его уволили как бы за прогул. Сейчас он пытается восстановиться на работе через суд. Согласятся

ли товарищи прийти к нему на помощь, засвидетельствовать, что у него прогула не было, что он находился в этот день на рабочем месте. Ведь им за такую откровенность тоже грозит увольнение. Когда не работают законы, трудно быть откровенным, трудно быть гражданином своей страны.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАДУГА РОССИИ

Правозащитник Постников из Тюмени все свои силы отдал перестройке государства на демократической основе, не получилось. Он и сейчас еще надеется на диалог с властью, выходя на пикет, отправил письма с просьбой принять меры президенту РФ, генеральному прокурору, губернатору. Кто придет на помощь этому правозащитнику, другим активным людям? Не стоит надеяться на «Единую Россию» — партию чиновников. Это они выкидывают семью Арсенюка из своего дома. Отдельные депутаты из этой фракции в Госдуме, которые появляются на экране телевизора как участники различных дебатов все больше напоминают Владимира Жириновского. Им говоришь одно, они в ответ — другое. Спор в большинстве случаев они заканчивают словами, похожими на базарный выкрик «сам дурак». ЛДПР вообще неизвестно какой ориентации, перебегает туда, где больше дают. Напрасно ждать помощи от либеральных партий «Яблока» и СПС. У них нет опыта, и желания объединять низшие слои населения страны, выстраивать свой авторитет на основе практики малых дел, защите конкретных людей, эти деятели в основном философы, рассуждают о глобальных проблемах.

Сейчас на скорую руку пытаются сколотить новую партию левого толка, собирают ее из остатков «Родины», Партии жизни и Партии пенсионеров. Этого трехголового политика уже окрестили «живым пенсионером Родины». Действующие лица этого нового объединения давно примелькались на кремлевских фуршетах. Народ пытаются заставить поверить в то, что эти деятели обращены в новую веру.

Разгонной ступенью для этого космического бюрократического аппарата хотят сделать Сергея Глазьева. Единственный человек в этой компании, который может говорить с народом на понятном языке. На прошлых выборах он уже вывел на орбиту «Родину», а

потом его самого и его идеи выбросили за борт. Такая же участь, наверное, подготовлена ему и в «живом пенсионере Родины», если он, конечно, согласится стать грузовиком.

Идя на тройственный союз, руководитель партии пенсионеров Зотов заявил, что они отказываются от пикетов, митингов, будут заниматься конструктивной работой с властью. Только забыл сказать при этом, как с такой властью можно заниматься конструктивной работой, если она никого не хочет слушать. Да и Сергей Миронов, председатель Партии жизни, под которого и собирается это объединение, во время выборов в Липецкой области агитировал за Партию жизни и за «Единую Россию» как единое целое, доказывая через областную газету, что та и другая партии нужны народу. Кремлевский проект начинает уже работать. Подключили административный ресурс. В одном из краснодарских институтов собрали в аудитории две группы студентов, раздали заявления о вступлении в Партию жизни. Преподавательница попросила срочно заполнить анкеты: «Ребята поддержите ректора». Не было ни устава партии, ни других документов, не давали времени подумать. Но студенты стали писать заявления, становиться партийцами. Многие годы мы выбираем партийные названия, а не идеи и программы. Наденут политики одну предвыборную одежду, заляпают ее грязью, отстирать не могут, ищут новую, чистую, чтобы опять быть привлекательными.

На другом политическом крыле собирает под свое крыло недовольных Путиным «Другая Россия». Я был на этой конференции, но не заметил там представителей простого народа. Появляется еще одна виртуальная Россия, которой жизнь низов не слишком интересна.

Есть еще КПРФ. Фракция коммунистов единственное сейчас подразделение во властных структурах, где принимают различные обращения от рабочих организаций, пенсионеров и других незащищенных слоев населения, не отделиваются отписками, добросовестно следят за прохождением жалоб по правительственным коридорам, добиваются решения вопроса по существу. Чиновники обязаны коммунистам отвечать, фракция находится во власти. Остальные оппозиционные силы, как партизаны, не имеют веса и официального статуса. Остается сказать КПРФ за это спасибо, но, замыкаясь на исполнение только технических обязанностей, она

превращается в политического статиста. Хотелось, чтобы эта партия была мобильна, разрабатывала новые проекты, новые идеи, но она из последних сил защищает себя от перемен, от современных задач, ее представители стали подобием автоответчиков, повторяют давно заученный текст. Коммунисты очень боятся потерять «невинность» и поутру проснуться социал-демократами, сама жизнь подталкивает их к такому исходу, но благодаря демократическому централизму они пока удерживают свою крепость.

На майской демонстрации курганское отделение профсоюза «Защита», которое поддерживает дружеские отношения с КПРФ, а один из ее руководителей, Виктор Воденников, является даже членом обкома компартии, решили идти отдельной колонной с лозунгом «Шмаковых — в шею, профсоюз — людям труда!». О намерениях профсоюза и лозунге сообщила газета. После этого на бюро обкома товарищи по партии сделали разнос профсоюзному лидеру. Ему сказали, что профсоюзная организация ставит под угрозу участие партии в демонстрации: «Вы прежде всего члены партии, а потом руководители профсоюза. Забыли о партийной дисциплине?» Пришлось лозунг снять, в результате на демонстрацию от «Защиты» пришло всего несколько человек. Коммунисты, как это ни удивительно, много говорят о рабочем классе, но сами не умеют беседовать с рабочими, организовывать защиту их прав, не пытаются наладить солидарность между трудовыми коллективами, одни предвыборные лозунги. Секретарь Курганского обкома Кислицын выразил истинную идею самосохранения партии: «Опасно, когда приходят в партию целой командой, со своими лидерами, с налаженными связями». Боязнь полемики, особого мнения и делает КПРФ неконкурентоспособной, поэтому и не обновляются ее ряды, она перестала быть современной. Не встанут эти люди в пикет рядом с Постниковым, для этого потребуются разрешение обкома, ЦК, наверное, самого Зюганова.

С каждым днем все больше у нас появляется недовольных социальной политикой правительства: жертвы строительных пирамид, жильцы общежитий, не затихли до сих пор протестные движения против монетизации льгот, митинги против Жилищного кодекса, повышения коммунальных тарифов, раз за разом бунтуют трудовые коллективы. Все эти проблемы трудно отделить одну от другой. В Омске городская администрация стала притеснять водите-

лей маршруток, профсоюз «Ямщик», насчитывающий всего сто человек, организовал митинг. К митингующим подходили люди, приносили свои проблемы. В результате начали митинг с разговора об общественном транспорте, а закончили выступлением о высоких тарифах ЖКХ. Число протестующих выросло до двух тысяч человек. Они перекрыли центр города, и милиция ничего не могла с этим сделать. Неудивительно, что такая критическая масса рождает своих героев, появляется много молодежных организаций левого толка, да и гонимые всеми свободные профсоюзы благодаря стараниям реформаторов сделали резкий крен от демократов, все чаще стали шагать левой. Нарождающиеся политические и общественные силы не принимаются пока во внимание, не выстраиваются они в стройную колонну, не спешат регистрироваться в Минюсте. Но если вчера они были разрозненны, то сейчас в этой среде появились уже координационные советы. На базе таких социальных движений может вырасти мощная политическая левая партия, которая будет бороться за социальную демократию. Можно по всякому относиться к такому левому повороту общества, но так уж карта ложится. Если власть не хочет говорить с народом, с ним начинает беседовать ее противники, не отфильтрованная оппозиция, которая создается для равновесия в коридорах власти, а активисты, идущие с городских площадей, из заводских цехов.

НОВЫЕ СИЛЫ

Самая сокровенная мечта большинства населения — это разрешение социальных проблем. Людям хочется просто жить по-человечески. К сожалению, социальные проблемы только усугубляются. Миной замедленного действия может стать замена ЖЭКов, ДЕЗов на частные управляющие компании. Сюда бросятся сейчас мошенники разного калибра, много их развелось в нашей стране, правительство перебрасывают этих «гвардейцев» с одного фронта, на другой, вчера главным приложением сил для них были строительные пирамиды, завтра могут стать коммунальные услуги. Они уведут деньги жильцов, возьмут кредиты под вашу квартиру, переправят на счета западных банков. Придешь домой, а ты уже здесь не проживаешь, разбираться придется долго. Встречайте по такому поводу народ на городских площадях, этого социального конфлик-

та сложившаяся государственная система уж точно не выдержит, произойдет перебор допустимого.

В стране начался новый отбор тех, кто помогает народу не на словах, а на деле. Возьмем проблемы общежитий. Это миллионы человек. Молчат по этому поводу демократы, либералы, «Единая Россия», а терпеть людям ежедневные издевательства уже невольно. К измученным обитателям трущоб на помощь приходит Революционная рабочая партия, о которой не многие слышали. Ее активисты помогают создать общежитийские советы, налаживают связь между ними по всей стране. Это не популизм, которым заняты борющиеся за кресла в Государственной думе партии, не разовое мероприятие. О выборах революционеры не мечтают, да и о революции вряд ли, просто они помогают людям выйти из тупиковой ситуации, учат, как нужно защищать свои права. Движение советов общежитий становится большой политической силой, по всей стране прошли его акции протеста.

В Ижевске городская власть пообещали создать комиссию по переводу общежитий в жилые дома, обещания не были выполнены, и жильцы общежитий вышли на улицу, перекрыли одну из главных магистралей города. Колонна, направляющаяся к республиканскому дому правительства, растянулась на полкилометра. Митинг на центральной площади был мирный, хотя многоголосые речевки были боевые: «Не хотите с нами драки — отдавайте нам общаги!» Под конец спели многоголосым печальную песню: «Только от жизни собачей, общага бывает кусачей».

В Перми жильцы общежитий провели тоже подобную акцию и сожгли чучело с названием «Безразличная администрация»

Московские общаги протестовали у памятника Марксу. К ним приехали представители Совета общежитий Санкт-Петербурга, Ярославля, подмосковных городов. Выступающие рассказывали о безобразиях творящихся в московских общежитиях. Под конец митинга один из организаторов, представитель РРП, Михаил Дороненко, зачитал резолюцию. Ее единогласно приняли, но тут же его задержала милиция, ему инкриминировали то, что он допустил на митинге раздачу листовок, не соответствующих содержанию митинга.

Движение под названием «Общаги» только на время освободили улицы и площади, борьба продолжается. Люди обещали вернуться

с более грозными лозунгами. Общежитийским начинают помогать и другие левые силы. В Ярославле на митинге представительница от общежития «Лакокраски» сказала об активистах движения «Социалистическое сопротивление»: «Посмотрите на этих молодых людей, только они помогают нам, больше идти нам к некому».

Молодые не будут годами судиться в защиту поруганных прав, добиваться вместо беспрекословного выполнения закона от власти чиновничьей милости, их подталкивают на силовые методы борьбы. Это те, кто ехал в Санкт-Петербург на Социальный форум. Их снимали с поездов, но они добирались тайком до Питера. В прошлом году такой же форум проходил в Москве. Встретились, рассказали друг другу о безобразиях, которые происходят в стране, поплакались и разошлись. Об этой тусовке широкий круг людей даже не узнал, государственные газеты и телевидение промолчали. Власть сама стали превращать молодежь в революционеров и сама начинает ее бояться. Разве не так было в 1917 году, когда в Питер просачивались большевики? Несчастной окажется Россия, если придется пережить еще одну бурю, еще одну революцию.

«Наше дело правое, победа будет за нами, нас все больше, мы все злее», — такие слова произнесла одна из активисток, которую не пустили в Санкт-Петербург из Находки.

А вот голос из Краснодара: «Мы изменились. Были «зеленные», «необстрелянные», а теперь кто-то уже успел побывать в милицеских отделениях, подвергся нападению омонцовцев, кого-то выжидают из вуза или с работы за убеждения. Мы пережили шок антисаммита в Питере, милиция борется не с бандитами, а с теми, кто хочет счастья для страны. Теперь мы освободились от иллюзий и знаем, что закон не для всех един».

Хочется придать гласности еще несколько эпизодов из аналитического материала, которым пугают друг друга чиновники.

«Влияние молодежных объединений экстремистской и радикальной политической направленности на состояние криминальной обстановки в стране усиливается. Функционируют 302 организации, среди которых активно развиваются процессы консолидации и интеграции».

«Активизировалась деятельность леворадикальных молодежных группировок (АКМ, РКСМ, РНЕ, НБП и других). Организаторы митингов и шествий Э. В. Лимонов (НБП), С. С. Удальцов

(АКМ), Л. А. Пономарев (ООД «За права человека») и другие под лозунгами защиты прав и свобод человека, урегулирования вопросов налогообложения, страхования и обеспечения социальных гарантий призывают граждан к противоправным действиям. Подобные акции используют лидеры экстремистских организаций для расширения своих рядов, их нередко финансируют зарубежные фонды и неправительственные организации. Для освещения заранее приглашаются представители СМИ, число которых в ходе отдельных мероприятий превышало количество участников».

«Серьезную опасность представляет религиозное движение «Свидетели Иеговы», которым проведена масштабная акция в Лужниках».

В мире фантазии прибывают те, кто составлял эту аналитическую записку. Свежеиспеченная «оранжевая угроза» перемешана со страхами перед «Свидетелями Иеговы» и РНЕ. Высшей крамолой они считают акции в защиту гражданского общества. Можно к этим опасным организациям причислить «Союз отверженных» из Омска. Его организовали детдомовцы, совсем еще дети, они собрались вместе, чтобы защищать свое право на жизнь. Их выгоняют из общежития, не принимают на работу. Опасно и уфимское объединение самообороны «570 квартал», которое защищает свои дома от бульдозеров. Слишком много набирается таких организаций, к ним можно причислить и людей из города Райчихинска Амурской области, тысяча с лишним человек собралось на митинг по поводу повышения коммунальных тарифов. Они снежками согнали с трибуны директора «Райчихинские коммунальные системы», который открыто обманывал людей, и те отказались его слушать. Все эти организации являются зарождающимся, а вернее сказать возрождающимся гражданским обществом, они отстаивают конституционные права и свободы для народа, а власть готова применить силу, против тех, кто кидает снежки.

Необходимо вспомнить, что именно стремление царских властей применить для «остратки смутьянов» вооруженную силу против протестующих, вполне мирных людей, привело к трагедии «кровавого воскресенья» 22 января 1905 года и Ленскому расстрелу в апреле 1912 года. Оба эти расстрела сыграли судьбоносную роль в нарастании системного общественно-политического кризиса в Российской империи.

Митинги, пикеты, голодовки — это общественная жизнь страны, которая не уместается в официальные рамки. Вот еще один большой митинг в Ярославле у областной Думы, организаторами которого были Совет общежитий Ярославля и объединение «Социалистическое сопротивление». Тема митинга уже привычная для наших дней: высокие коммунальные тарифы; льготы для пенсионеров; положение жителей общаг. Кругом рыскала милиция с овчарками. Губернатора области и депутатов областной Думы, шествующих на свое очередное заседание, собравшиеся провожали проклятиями. Вслед им читали строки из стихотворения Лермонтова.

Вы, жадную толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Перед вами суд и правда — все молчи!
Но есть и божий суд, наперстники разврата!
Есть грозный суд: он ждет.

Государственные СМИ рисуют представителей левых молодежных организаций как законченных экстремистов и даже террористов. Нужно признаться, что в их деятельности раньше были некоторые элементы экстремизма, даже памятник царю один из них взорвал, но сейчас их тактика и стратегия изменились. Не будем причислять к их числу лимоновцев, идеологическое кредо которых сначала все разрушить, а потом уже построить что-то новое, что именно, они пока не знают. Сам наставник однажды проговорился, что плох тот нацбол, который не побывал за решеткой. Вот ребята и лезут на рожон. Не стоит говорить об организациях фашистского толка, существование которых даже выгодно власти на данном этапе, так как трудно обывателю выделить кого-то из общей массы, проще всех назвать фашистами.

В Москве во время пикета работников метрополитена на Пушкинской площади я стоял рядом с двумя молодыми людьми. Девушка и парень интеллигентного вида держали знамя организации студенческого общественного сопротивления «Вперед». Оказалось, что девушка работает в школе, она учитель, юноша студент. «Мы не можем смириться с социальной несправедливостью, когда людей унижают, когда они бесправны, когда они голодны. Мы прихо-

дим на протестные социальные митинги, встаем рядом с обиженными властью людьми, добавляем им хоть немножко оптимизма, показываем, что они не одиноки, что они могут рассчитывать на нас в трудную минуту», — говорили они мне. Где же здесь экстремизм? Эти ребята не живут догмами, думают. Вот слова их лидера Ильи Будрайтскиса: «Проверка практикой каждой нелепой детали своих прошлых, наивных предрассудков и иллюзий стала для нас грандиозным актом самопознания».

Молодежь пока не обозначила конечные цели, они не знают точно, где искать счастье для народа. Призывают национализировать собственность, это значит опять создать «коммунистический рай». Мы уже побыли в таком раю. Есть ведь другие примеры. Рузвельт — спаситель капиталистической системы, сумевший своим «новым курсом» придать ей социальный «привкус», госрегулирование с учетом интересов широких масс. Есть скандинавский социализм, где люди свободны, где у каждого социальные гарантии на самом высоком уровне, никому не дадут пропасть. Там научили богатых делиться с малообеспеченными.

В Хельсинки у здания правительства страны я видел довольно странный пикет. На одном из их плакатов красовалось: «Долой правительство робин гудов». Не нравится богатым людям делиться с народом, даже в пикеты выходят, но все равно вынуждены платить прогрессивный подоходный налог со своих доходов, государство заставляет. У нас плоская шкала налога на доходы, самый малый налог в Европе. Этим долго гордились, хотя хвалиться нечем. Введение такого налога — капитуляция перед властью богатых. Миллиардер платит со своих доходов, как и уборщица, — 13%. Наши богатеи знают, кого за это благодарить. Перед Новым годом я стал свидетелем, как перед зданием Государственной думы разгружали машины с подарками для депутатов. На больших пакетах были названия наших известных компаний. Бедные из своего прожиточного минимума подарки для депутатов выкроить не могут, поэтому не живут, а существуют. В развитых странах для справедливого распределения национального продукта многое делают профсоюзы. Западные доброты начинают советовать нашим политикам, чтобы они ни в коем случае не допускали роста свободных профсоюзов в России, иначе элиту заставят делиться доходами с народом.

С профсоюзов и нужно начинать перестройку. Они являются как бы мостиком между властью и народом. Коммунисты, демократы — все без этого мостика теряют устойчивость, повисают в воздухе, по-другому с низами не породнишься. Партия «Патриоты России» начала сотрудничать со свободным профсоюзом Соцпроф. С его помощью во время весенней избирательной компании 2006 года сразу прошла в законодательные собрания двух регионов. Партию заметили, о ней заговорили. Разорвали «Патриоты» отношения с профсоюзом, и на осенней избирательной сессии про эту партию уже никто не говорил, она исчезла с горизонта.

«Борьба между рабством и свободой разворачивается у нас на глазах. Наша задача, как левых, как социалистов, стать частью событий, а не их сторонними критиками и интерпретаторами», — говорит Илья Будрайтскис. И молодежные движения, исключая «Наших» и «Ваших», становятся частью событий. Вот благодарность от новой профсоюзной организации ярославского «Холодмаша» за помощь студенческому движению «Вперед».

«Друзья, мы благодарим вас за поддержку борьбы холодмашевцев против беспредела, творящегося на предприятии. Мы уверены, что рабочие, служащие, интеллигенция в недалеком будущем объединят усилия в нашей общей борьбе за справедливость. Собранные Вами средства положили начало фонду поддержки борющихся коллективов и их преследуемых лидеров».

Когда снизилась зарплата на руднике Центрального комбината ОАО «Апатиты», Союз коммунистической молодежи России помог организовать «итальянскую» забастовку. Рабочие приходили на работу, но выполняли свои обязанности строго по правилам: с соблюдением восьмичасового рабочего дня, со всеми нормами технической безопасности. В такой акции принимали участие около 300 человек.

В Петербурге прошла акция левых молодежных организаций в поддержку профсоюза «Мегионнефтегаза». Акция была несанкционированной, поэтому проведена была в форме «индивидуального пикета». Участники, соблюдая положенную законом дистанцию в 15 метров, вытянулись цепочкой напротив АЗС этой компании.

В это же время РПП вместе с Советом общежитий Москвы помогали создавать на Московском жиркомбинате вместо неработающего старого новый профсоюз.

Можно долго перечислять подобные акции, это и есть новое поле деятельности молодежных левых организаций, и они здесь успешно осваиваются, имея в запасе отрепетированные митинговые «кричалки», начинают изучать трудовое право, внедряются в рабочие коллективы. Для государства такая деятельность не опасна, а наш уродливый бизнес может поплатиться барышами, но так как государство у нас защищает исключительно богатых, чиновники переполошились.

Если власть в диалоге с этими ребятами ограничится репрессиями, от которых почему-то революционеров становится еще больше, то у нее из под носа могут увести целый народ. Куда уведут, это уже вопрос следующий.

НЕ ОПОЗДАЙТЕ ПОДЕЛИТЬСЯ ВЛАСТЬЮ

Сейчас многие размышляют над тем, сколько еще может выдержать народ, делают по этому поводу прогнозы, ставки пока не ставят, но все знают, что терпение у людей на исходе. Целые районы и города превращаются в резервации для бедных, а пропасть между доходами 10% самых богатых и 10% самых бедных за год с небольшим увеличилась с 14—15 до 25—26 раз. В Москве этот коэффициент достиг 50. Хоть праздник устраивай промежуточной победы реформ. По закону физики, если в одном месте убывает, то в другом прибывает. Но почему-то все время убывает у бедных, а это уже по законам нашей политики. Мирным способом переломить ситуацию не удастся. Протесты против монетизации льгот заглушили дополнительным финансированием, выдачей бесплатных лекарств и льготного проезда для некоторых категорий граждан, а когда страсти улеглись, Зурабов сократил список бесплатных лекарств до минимума, надеясь, что у людей не хватит сил и эмоций для повторного перекрытия дорог.

Один за другим накатываются митинги, пикеты, демонстрации. Почти все они становятся незаконными. Власть отказывает в праве на их проведение. Организаторов задерживают, подвергают административным наказаниям, с остальными недовольными разбирается ОМОН, завтра, может быть, позовут на помощь армию — печальный опыт у нас есть. В термодинамике существует понятие, степень свободы — возможность сбрасывать перегретый пар, но

если все клапаны перекрыты, то происходит взрыв котла. Пока в нашем обществе идет накопительный процесс. Когда нет возможности выплеснуть недовольство действиями государства, люди острее начинают реагировать на проблемы, на которые еще вчера не обращали внимания, нарастает напряжение.

Власть надеется, что бунтари в конце концов успокоятся, устанут, ведь множество людей в нашей стране за время реформ деградировали до такой степени, что не в силах не только сопротивляться, но и думать, созидать, разлагаются поодиночке, создают с помощью алкогольных градусов какой-то свой призрачный мир, свою страну. У нас и раньше любили что-то отметить, но сейчас не до праздничных тостов, пьют втемную от «безнадеги». Нет денег на хорошую водку, потребляют суррогат, не пугает даже отравление, смерть. Человеку нужно хотя бы на время улететь куда-то душой, оторваться от унижений, грязи, нищеты, безработицы. В Приморском крае вот так улетают по три человека в день и не возвращаются на землю, кончают жизнь самоубийством. В местах проживания и работы нет теперь ни сходов, ни собраний, нарушены связи друг с другом. Таким образом, формируется удобный для власти народ — бери его голыми руками. Но это только кажется. Послушайте, что говорят люди на автобусных остановках, в очередях. Лишь здесь они еще могут встречаться и проводить свои экспресс-референдумы по нашей жизни. Много злости накопилось у случайных собеседников, попутчиков. Может быть, они не пойдут первыми на баррикады, но если прибьются к толпе трезвых и целеустремленных, то это будет страшная смесь, крепче коктейля Молотова.

На государственном уровне сейчас начали бороться с ксенофобией, фашизмом, национализмом, а это ведь вторичное явление. Первичное — нищета и бесперспективность. Не нужно даже перечислять названия фашистских организаций, растет не само их число, а настроение, которое объединяет людей. Народ начинает искать тех, кто виноват в его житейских невзгодах. Умные люди тут же показывают на инородцев, учат ненавидеть, звереть. Сейчас назначили виноватыми рыночных перекупщиков с иностранными паспортами. Никто не отрицает, что перекупщики захватили наши рынки, торговлю, но это по-своему талантливые люди, умеют красиво, по-восточному давать взятки, нашим соотечественникам в

этом плане с ними не тягаться. Нелегалы создали кормушки для муниципалов, а те в свою очередь охраняют их от всяких неприятностей. Несложно понять, кто в этой связке главный, с кем нужно бороться.

О том, сколько может народ выдержать, нельзя полагаться только на гадание случайных людей, необходимо проследивать тенденции развития общественных отношений и уметь все это сопоставлять, находить барьер допустимого, за который заступать нельзя. На Западе соотношение между доходами богатых и бедных в 12 раз является социальной катастрофой, в срочном порядке начинают перестраивать отношения между трудом и капиталом. У нас не обращают внимания на всякие социологические предупреждения, при любой заварушке чиновники забиваются в свои административные здания, как в крепости с бойницами, издали наблюдают за протестующими людьми, их интересует только один вопрос, в каком порядке пойдет на толпу ОМОН, клином, или развернутым строем. Они надеются пересидеть под охраной милиции в административных казематах любую революцию.

Новую революцию, какой бы она ни была — оранжевой, красной или черно-белой, никто не может назначить, запланировать заранее. Социальный взрыв может произойти произвольно в любую минуту. Давно все перезрело, любая капля может стать последней. Уже потом станут искать новых лидеров, тех, кто поведет народ дальше, найти их будет очень трудно, долгие годы не было отбора, селекции, не воспитывали организаторов, только тем и занимались, что уничтожали, изводили репрессиями яркие личности. В суматохе опять подвядутся проходимцы, криминальные элементы захотят стать революционерами и взять свое в неразберихе, а взять можно только у элиты, она потеряет не только нефтяные скважины, теплые кабинеты, но и Родину.

Для того чтобы погасить революционное настроение, избежать смуты, существует только один способ — поделиться с народом властью и доходами. Народ должен контролировать чиновников, депутатов. К сожалению, у нас для этого разрушены все инструменты, необходимо создавать заново все гражданские институты. Чиновники, депутаты по всем присказкам числятся слугами народа. В Евангелии от Матфея сказано: «Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом». В нашем государстве чиновники уж

точно не слуги, тем более не рабы. У них не служба, а отхожий промысел. Никто не знает, сколько они зарабатывают. Сами, без всякой привязки к доходам населения, назначают себе зарплаты. Стоило бы на дверных трафаретах под фамилией каждого чиновника или депутата приписывать сумму его оклада, доплат и премий. Что здесь необычного? Ведь эти деньги не с неба свалились, начисляются с налогов, которые платит население. Сколько раз на всех уровнях просили Анатолия Чубайса, рассекретить свой заработок. Он ведь как бы числится в должности генерал-губернатора, чиновник, которому доверили управлять государственной империей РАО «ЕЭС». Чубайс обижается: сколько можно об этом спрашивать, добывайте информацию в налоговой инспекции. Действительно, зачем человека нервировать, написали бы на бирочке: Анатолий Чубайс — стоимостью, например, в 50 тысяч долларов в месяц. У нас много развелось таких генерал-губернаторов, не поймешь, кто они, чиновники или олигархи. Подчиненные этих генералов тоже путают государственные интересы, со своими коммерческими.

К сожалению, задавать неудобные вопросы представителям власти у нас некому, жаловаться можно только в телефонную будку. Гражданское общество сведено на нет, его структуры нищенствуют. Взять, к примеру, бюджет на будущий год. Около триллиона рублей заложено в нем на содержание государственного аппарата: на зарплаты и транспорт чиновников, на различные командировки и прочее, а на строительство гражданского общества выделено всего пятьсот миллионов. Разница почти в две тысячи раз. Многие организации, даже всероссийского масштаба, не имеют своих помещений и средств на их аренду. По всей стране за долги их выкидывают из помещений, уничтожают народную инициативу на корню. Иностранным фондам тоже запретили оказывать помощь нашим общественным организациям, назвав их шпионскими центрами, целый спектакль разыграли по этому поводу.

Сейчас начали делить пятьсот миллионов бюджетных рублей для некоммерческих организаций. Распределяют их в основном на ресурсные центры в регионах. Руководитель Новосибирской областной организации общества инвалидов, у которой есть шанс получить деньги из бюджета, говорит, что они купят на эти деньги оргтехнику, на ней будут подготавливать просьбы Путину и

в другие организации. Вот к такому униженному статусу подводят гражданское общество. Оно должно писать письма наверх, просить милостыню. Только незадача, где будут расставлять все эти компьютеры? В начале перестройки появились общественные дома, в которых приютили многие организации. Где они сегодня?

Много сейчас строится административных зданий, было бы справедливо, если бы некоторую часть квадратных метров выделяли в них для общественных организаций, чтобы активисты могли собраться, обсудить вопросы. Пока же они встречаются друг с другом только на различных протестных митингах, толпами возбуждаются, выкрикивают нехорошие слова в адрес власти. Иной организационной работы под открытым небом не проведешь.

Нашу власть как бы выбирает народ. Когда начинают жаловаться, что власть плохая, сразу упрекают критикующих: сами, мол, избрали. Народ на выборы идет плохо. Для того чтобы считать это мероприятие состоявшимся, все ниже опускали планку явки избирателей, довели до 20%, и все равно в некоторых местах выборы были провалены. У «Единой России», которая сейчас в одиночку штампует законы для страны, появился страх перед предстоящими выборами. Она в одну минуту хочет стать родной для простого народа. Сняли мигалки с машин, хотят повысить в два раза минимальную зарплату, но самое главное — разные варианты избирательного права для собственного спасения придумывают. Старались ввести досрочное голосование, отменить графу «против всех», решили, что и этого мало, хотят совсем покончить с порогом явки — сколько придет, столько и будет. При таком раскладе можно обойтись вообще без народа. Придет кандидат в депутаты на избирательный участок, проголосует сам за себя. Даже если другие избиратели в этом фарсе участие не примут, комиссия подпишет протокол и назовет выдвиженца избранником народа. «Единая Россия», желая сделать для себя выигрышную позицию, закладывает мину замедленного действия. В любое время ее можно обвинить в том, что мандат у нее нелегитимный. Оппозиция обязательно воспользуется этим, выйдет на улицы, и народ поддержит этот протест.

В нашей стране с недоразвитой демократией даже работавшая избирательная система вела напрямую к авторитарному режиму, а нынешние новшества вообще пахнут насильственным захватом

власти. Выборы у нас получились двухступенчатые: сначала партии проходят фейс-контроль в Кремле, кто его не прошел, к народу не пропускают. Партий со своей идеологией, программами у нас еще нет, может быть только КПРФ отвечает политическим нормам, поэтому бесполезно выдавать организации однодневки за сложившиеся партийные структуры, пора возвратиться к предвыборным блокам. А чтобы сохранить хоть какие-то демократические принципы в стране, нужно снизить процентный порог для этих объединений. Не в Кремле, а в избирательной борьбе должны формироваться партии, в борьбе программ. Народ должен иметь выбор, но пока такого у него нет, поэтому если уберут порог обязательной явки, выборы могут пройти вообще без избирателей. В результате, руководителям нашей страны, которые любят светиться на различных демократических форумах, могут не прислать приглашение, обойдутся с ними также, как и с батькой Лукашенко. Быть в изоляции нашим не слишком хочется.

После Октябрьской революции вся страна обучалась грамоте. Люди выводили мелом на доске: «Мы не рабы, рабы немые». Сейчас нужно опять учиться писать такие слова, но в другом порядке: «Мы немые, поэтому рабы». Люди перестали говорить, читать. Разве может развиваться избирательная система при таких молчаливых и неинформированных избирателях? Государству для развития демократии не мешало бы расщедриться, помочь издавать полноформатную национальную газету для бедноты. Подобное издание было еще при царе, называлось «Копейкой». Газета должна стоить символическую цену, например рубль в розницу. В этом издании должна быть не реклама, не приключения шоу-бизнеса, а вести из трудовых коллективов, жизнь простого человека, секреты выживания, а также расшифровка на доступном языке новых законов. Раскрыл бы президент утром свежий номер и сразу увидел, как живет не выдуманная, а настоящая страна. Выпуском такой газеты должны заниматься журналисты не из светской тусовки, а общественные корреспонденты, стрингеры, профессионалы, которые хорошо знают жизнь низов. Такие новости могут приблизить заброшенные деревни, поселки к городам, связать просторы России в единое и понятное целое.

Нельзя доверять издание «Копейки» олигархам, государству, это должен быть совершенно независимый орган, может быть, созданный специально для этого издательский отдел при Общественной

палате, хотя она и является абсурдным общероссийским проектом. Можно ли поверить, что олигархи, звезды шоу-бизнеса, политологи, которые стали здесь главными лицами, могут говорить от имени малообеспеченных жителей какого-нибудь провинциального городка? Звезды слишком сыты, чтобы иметь общие мысли с беднотой. Если мы не можем создать сословную Государственную думу, в которой имели бы голоса не только представители от страны богатых, но и от бедных, то хотя бы создали Общественную палату с пропорциональным составом от всех слоев населения. У нас ведь почти половина страны — малообеспеченные граждане. Где их делегаты? Эти забытые всеми люди тоже имеют свои рецепты перестройки страны, их тоже нужно слушать.

Общественная палата могла бы увековечить себя всего одним проектом — провести ревизию законодательства. За последние годы депутаты Госдумы в угоду элите и чиновникам проголосовали за многое, что даже не поддается объяснению. Взять хотя бы Трудовой, Жилищный кодексы, законы о монетизации льгот и прочее. Пора бы проверить, как работают все эти законы, а для этого провести выездные сессии в регионах, пригласить на них юристов, журналистов, местных депутатов, простых людей, которые сумели бы на фактах показать пагубность некоторых норм законодательства. Затем провести итоговое заседание с приглашением депутатов Госдумы, членов правительства, президента. Последовательно разобрать казусы, к которым на региональных собраниях прикрепили черные метки. Такая-то статья такого-то закона ведет к ухудшению трудовых отношений, и — подтверждающие это факты. Другая статья — декларативна, лишена механизма исполнения и так далее. На основе такого аналитического разбора издать «Красную книгу», вручить ее каждому депутату, члену правительства, а президенту можно оформить книгу даже с золотым теснением. В книге можно было бы обнародовать механизмы, с помощью которых рядовых граждан превращают в бедных родственников. Это было бы наглядно, убедительно, стало бы революцией, но мирной. К сожалению, это только фантазии. Общественной палате проекты такого масштаба не нужны. Здесь собраны звезды, но светят они на чужом горизонте.

Куда не глянь, везде декорации, театр, остается ждать массовки с выходом народа в последнем действии.

СОДЕРЖАНИЕ

В ПОИСКАХ СВОБОДЫ	3
ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ	9
ЛИКВИДАЦИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ	12
ВОСПИТАНИЕ ГОЛОДОМ	18
АКТЫ ОТЧАЯНИЯ	20
РАБОТНИКА СДАЛИ СТАРЫЕ ПРОФСОЮЗЫ	23
СВОБОДНЫЕ ПРОФСОЮЗЫ	30
КЛЕТКА ДЛЯ ПРОФСОЮЗА	36
ГЛУХИЕ ВРЕМЕНА	40
КРЕМЛЕВСКАЯ ДИЕТА ДЛЯ НАРОДА	46
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРИЕМНАЯ	53
БЕСПРАВНЫЕ ОБЩАГИ	61
ЛИШНИЕ ЛЮДИ	67
ВЛАСТЬ УСМИРЯЕТ НАРОД	73
СОЦИАЛЬНЫЙ ФОРУМ	79
КУПЛЕННЫЕ ГОЛОСА	85
БОРЦЫ ОДИНОЧКИ	91
ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАДУГА РОССИИ	95
НОВЫЕ СИЛЫ	98
НЕ ОПОЗДАЙТЕ ПОДЕЛИТЬСЯ ВЛАСТЬЮ	105

Альберт Венедиктович Сперанский
ПОЧЕМУ БЕЗМОЛВСТВУЕТ НАРОД

107045, Москва, Б. Головин пер., д. 22, стр. 1. Тел. / факс (495) 207-6069.

mhg-main@online.ptt.ru

www.mhg.ru

Отпечатано в типографии «Микропринт».

111123, Электродный пр., д. 6, 5-й подъезд, офис № 48

Распространяется бесплатно.

